

«Кто жаждет, иди ко Мне и пей» (Ин. 7, 37)

www.aquaviva.ru

ВОДА

Ж И В А Я

август

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЦЕРКОВНЫЙ ВЕСТНИК

№ 8 [103] 2008

LINGUA SACRA :

Слово Божие

Икона БОЖИЕЙ МАТЕРИ «СЛОВО ПЛОТЬ БЫСТЬ»

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

«...Не изнеможет
от Бога
всяк глагол!»

Так в нашем церковно-славянском тексте Евангелия звучат слова Архангела Гавриила, сказанные им в день Благовещения Пресвятой Деве Марии. «... У Бога не останется бессильным никакое слово».

Одно из самых глубоких и ценных откровений христианства — о том, какой мощной творческой силой обладает слово. А еще важнее — о том, что истоки этой силы в Самом Боге и что богоподобие человека можно описать как способность формулировать и произносить слова и тем самым осмысливать и оценивать мир как прекрасное творение Божие, а значит, творить. Творить всякий раз новую реальность, ибо общение — это и есть всегда новая и новая реальность. Творить, как сотворил бытие Бог — словом. А Слово это и есть Бог (Ин. 1, 1), и потому мы гораздо ближе к истине, когда вслед за Священным Писанием утверждаем, что слово — самый верный путь к познанию Бога.

Что, как не отметание любых, кроме слова, доступных человеческому восприятию пусть и весьма выразительных и впечатляющих образов, представляет собой история Божественного Откровения в Ветхом Завете?

«Глас слов Его вы слышали, но образа не видели, а только глас» (Втор. 4, 12).

И не случайно Боговоплощение, явление Бога в человеческом образе есть воплощение Слова: «И Слово стало плотию» (Ин. 1,14).

Этот номер «Воды живой» мы посвящаем теме Слова Божия.

+ Владимир.

Митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	1
АРХИЕРЕЙСКИЕ БОГОСЛУЖЕНИЯ	4
МНОГАЯ ЛЕТА	
ПРОТОИЕРЕЮ АЛЕКСАНДРУ БУДНИКОВУ - 60 ЛЕТ	9
СЛОВО БОЖИЕ	
Архимандрит Ианнуарий (Ивлиев). КОГДА РАССЕЕТСЯ МРАК ВЕКА СЕГО Апостол в праздник Преображения Господня	10
Иерей Михаил Браверман. ТАЙНА УМНОЖЕНИЯ ХЛЕБОВ Евангелие в неделю 8-ю по Пятидесятнице	12
БЛАЖЕНСТВА ШАГ ЗА ШАГОМ	
Симон Тагуэлл. ПАРАДОКС СЕРДЕЧНОЙ ЧИСТОТЫ «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5, 8)	14
ВЗГЛЯД	
Алексей Соколов. ВСПЫШКА СЛЕВА	16
Ирина Левина. ЛЮБОВЬ КО ХРИСТУ	16
ЛЮДИ	
ЧЕЧНЯ – РАЗНАЯ. Беседа с иереем Димитрием Василенковым	18
ИСКУССТВО В ЦЕРКВИ	
Ольга Шаламова. ОДЕТЫЕ КУЗНЕЦАМИ Древние иллюстрированные Библии	20
ЦЕРКОВЬ И КУЛЬТУРА	
Нина Николаевна Артеменко ЗАЧЕМ НАМ ФОЛЬКЛОР, ИЛИ ЕЩЕ РАЗ О ТОМ, ЧТО ДЕЛАТЬ	24
РЕСТАВРАЦИЯ	
Андрей Балканский ХРАМ ВОСКРЕСЕНИЯ ХРИСТОВА У ВАРШАВСКОГО ВОКЗАЛА	28
ФОТОРЕПОРТАЖ	
КОНФЕРЕНЦИЯ «СЛОВО БОЖИЕ В ЖИЗНИ ЦЕРКВИ И ПРАВОСЛАВНОГО ХРИСТИАНИНА»	30

Вода живая. Санкт-Петербургский церковный вестник

8/2008 (103). Официальное издание Санкт-Петербургской епархии.

Основан в 1875 г. Возобновлен в 2000 г.

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-31569 от 01.04.2008

Учредитель и издатель: Санкт-Петербургская епархия Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)

Главный редактор: митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский ВЛАДИМИР

Ответственный редактор: протоиерей Александр СОРОКИН, председатель Издательского отдела

Ответственный секретарь: Иван СУДОСА

Выпускающий редактор: иерей Димитрий СИЗОНЕНКО

Руководитель информационной службы: Анастасия КОСКЕЛЛО

Дизайн и верстка: Андрей БАЛКАНСКИЙ

Корректор: Татьяна ИВАНОВА

Фотографы: Юрий КОСТЫГОВ, Станислав МАРЧЕНКО

Фото на 1-й странице обложки: Юрий КОСТЫГОВ

Редакционная подписка: Виктория СИНЕЛЬНИКОВА. Тел.: 8 (812) 540-18-01

Благодарим за помощь в подготовке номера Людмилу ГОЛУБКОВУ; за помощь в распространении журнала – распространителей журнала «Фома»

Партнер по продвижению и реализации: Издательство «Ладан». По вопросам оптовых поставок обращаться в магазин издательства «Ладан» по адресу: ул. Решетникова, д. 13. Тел.: 8 (812) 388-59-89

Адрес Издательского отдела: 191167, Санкт-Петербург, наб. р. Монастырки, д. 1, Санкт-Петербургское епархиальное управление. Тел.: 274-16-45; www.aquaviva.ru; info@aquaviva.ru

Отпечатано в типографии «Моби Дик»; тираж: 3000 экз. Цена свободная

LINGUA SACRA

Священник Владимир Хулап. СЛОВО БОЖИЕ И ЛИТУРГИЯ СЛОВА

Место Священного Писания в богослужении Церкви

32

Священник Димитрий Сизоненко. СЛОВО БОЖИЕ И МОЛИТВА

Священное Писание в духовной жизни христианина

36

КРУГЛЫЙ СТОЛ

«РАЗУМЕЕШЬ ЛИ, ЧТО ЧИТАЕШЬ?»

41

LINGUA SACRA

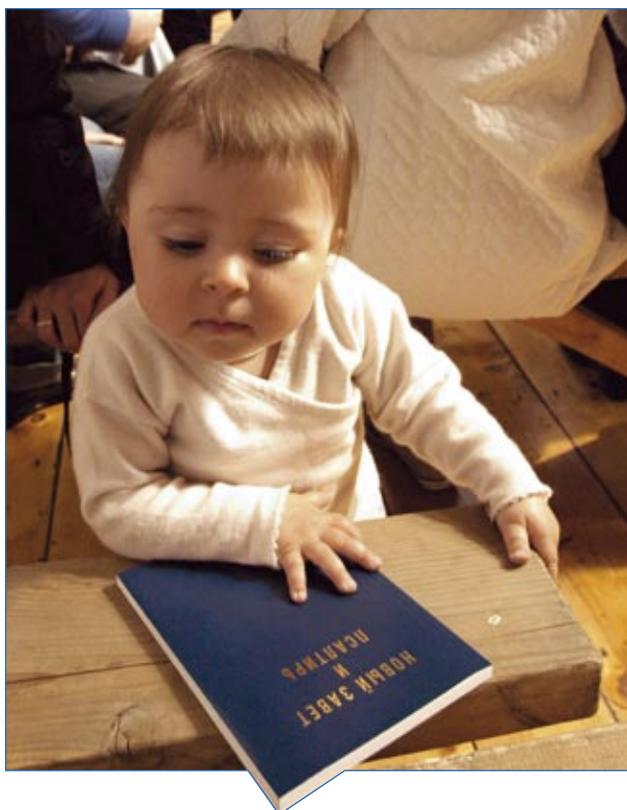
Петрос Вассилиадис. ЧТЕНИЕ БИБЛИИ

Православный взгляд

45

КНИГИ

48

Издательский отдел Санкт-Петербургской епархии благодарит за поддержку «Воды живой»:

Галенко Андрея Константиновича
Генерального директора ЗАО «Евразия»

Гусарова Александра Анатольевича
Генерального директора ЗАО «Телрос»

Зилова Александра Васильевича
Директора типографии «Моби Дик»
и издательства «Ладан»

Лапина Алексея Станиславовича
Генерального директора реставрационно-
строительной компании «Лапин Энтерпрайз»

Мозгового Германа Владимировича
Заместителя председателя
Законодательного Собрания Ленинградской области

Скорова Аркадия Анатольевича
Генерального директора
строительной компании «Дальпитерстрой»

Издание журнала «Вода живая» входит в «Программу гармонизации межэтнических и межкультурных отношений, профилактики проявления ксенофобии, укрепления толерантности в Санкт-Петербурге на 2006–2010 годы» Правительства Санкт-Петербурга (Раздел 5)

15 ИЮНЯ
День Святой Троицы

Митрополит Владимир совершил Божественную литургию и вечерню с коленопреклонными молитвами в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры [1] в сослужении архиепископа Тихвинского Константина и епископа Петергофского Маркелла.

18 ИЮНЯ
Благодарного великого князя Игоря Черниговского и Киевского

Митрополит Владимир совершил Божественную литургию в соборе Архангела Михаила в Токсово.

Рукоположение: Максим Николаевич КОСЫХ [2] рукоположен во диакона к Князь-Владимирскому собору. После Литургии состоялась закладка храма-колокольни во имя благодарного князя Игоря Черниговского и Киевского в присутствии руководителя Балтийской строительной компании Игоря Найвальта и других благотворителей проекта [3]. Предполагается возвести колокольню высотой 60 метров на месте споровшего храма.

28/29 ИЮНЯ
Неделя всех святых,
в земле Российской
просиявших
 Митрополит
 Владимир сослужил
 Святейшему
 Патриарху Москов-
 скому и всея Руси
 Алексию II в сонме
 архиереев в храме
 Христа Спасителя
 в Москве [2] после
 Архиерейского собора
 Русской Православной
 Церкви 24–29 июня
 2008 года. Накануне,
 28 июня, в Успенском
 соборе Московского
 Кремля состоялась
 молебен всем святым,
 в земле Российской
 просиявшим, по
 случаю 1020-летия
 Крещения Руси [1].

1

2

6 ИЮЛЯ

**Неделя 3-я по Пятидесятнице;
Владимирской иконы Божией Матери**

Митрополит Владимир совершил Божественную литургию в Казанском кафедральном соборе.

Рукоположение: Апполинарий Викторович МЕЛЬНИК рукоположен во диакона к собору Владимирской иконы Божией Матери в Кронштадте.

8/9 ИЮЛЯ

Тихвинской иконы Божией Матери

Митрополит Владимир совершил Всенощное бдение и Божественную литургию Тихвинском Богородичном Успенском монастыре в сослужении архиепископов Тихвинского Константина, Берлинского и Германского Феофана и епископа Петергофского Маркелла.

Фото: Илья Трифонов

Фото: Юлий Костылов

11/12 ИЮЛЯ

Первоверховных апостолов Петра и Павла
Митрополит Владимир совершил Всенощное бдение в соборе святых апостолов Петра и Павла в Петергофе в сослужении епископа Петергофского Маркелла и Божественную литургию в соборе святых апостолов Петра и Павла в Петропавловской крепости.

12 июля в соборе святых апостолов Петра и Павла в Петергофе епископ Петергофский Маркелл совершил Божественную литургию по случаю престольного праздника и рукоположил Владимира Александровича ГРИШИНА во диакона к Андреевскому собору на Васильевском острове.

фото: Аруур Дмитриев

Многая лета

ПРОТОИЕРЕЮ АЛЕКСАНДРУ БУДНИКОВУ — 60 ЛЕТ

28 июля исполнилось 60 лет протоиерею Александру Будникову, настоятелю храма святого пророка Илии на Пороховых, благочинному Большеохтинского округа, председателю Миссионерского отдела Санкт-Петербургской епархии.

Поздравляет протоиерей Виктор Московский:

«С отцом Александром мы дружим очень давно — еще с тех дней, когда вместе поступали в Ленинградскую Духовную семинарию. Помню, с каким волнением после вступительных экзаменов мы ждали, когда вывесят списки поступивших, и с какой радостью мы обнаружили там наши фамилии. С тех пор наши пути идут почти все время вместе. Помню, как он меня провожал в армию. К тому времени мы с матушкой Татьяной уже поженились, и отец Александр проявлял заботу о Тане во время моего вынужденного отсутствия: например, приносил елку на Новый год. Во время учебы готовились к экзаменационной сессии у отца Александра дома на Тележной улице (в нашей семье тогда уже родились дети, так что было где в тишине и в компании соученика готовиться к экзаменам). Потом вместе служили в Никольском соборе (исполнились слова покойного митрополита Никодима: «Быть вам соборными иереями»).

Искренне желаю дорогому отцу Александру оставаться таким, какой он есть — жизнерадостным, добрым, энергичным и внимательным. Я знаю, он любит поэзию, особенно Есенина, — священник и должен быть немного поэтом. Он давно увлекается историей и хорошо ее знает. Желаю благословенных успехов во всем, чем он занимается — в Ильинском храме, в нашем епархиальном Миссионерском отделе и как благочинный. Многая и благая тебе лета, дорогой отец Александр!»

КОГДА РАССЕЕТСЯ МРАК ВЕКА СЕГО

АПОСТОЛ В ПРАЗДНИК ПРЕОБРАЖЕНИЯ ГОСПОДНЯ

Поэтому, братья, приложите еще больше стараний, чтобы оправдать ваше избрание и призвание. Так поступая, вы никогда не собьетесь с пути ¹¹в вечное Царство Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа, где вам будет устроена богатая встреча. ¹²Вот почему я готов всегда напоминать вам об этом, хотя вы все это уже знаете, и утвердились в той истине, которая пребывает у вас. ¹³Но пока я живу в этой палатке, считаю своим долгом постоянно будить вас напоминаниями, ¹⁴зная, что мне скоро предстоит сбросить с себя мою палатку, как открыл мне и Господь наш Иисус Христос. ¹⁵Но я постараюсь, чтобы вы могли в любое время все это вспоминать и после моего исхода. ¹⁶Мы ведь не чьи-то хитроумные сказки повторяли, когда поведали вам о силе и пришествии Господа нашего Иисуса Христа: мы сами были созерцателями Его величия. ¹⁷Ибо честь и славу Он принял от Бога Отца, когда раздался голос от Величественной Славы, так Ему провозгласивший: «Вот Он — Сын Мой, возлюбленный Мой. Я благоволю к Нему». ¹⁸И этот голос, раздавшийся с небес, мы услышали, когда были с Ним на святой горе. ¹⁹И подтвердилась наша вера пророческому слову. И вы хорошо делаете, держась его как светильника, который светит во мраке, пока День не озарит вас и Утренняя звезда не взойдет в сердцах ваших.

2 Петр. 1, 10-19

Перевод архимандрита Ианнуария (Ивлиева)

Преображение Господа Иисуса Христа в Апостольских посланиях упоминается только во Втором послании апостола Петра, которое по этой причине и предлагается в этот день для прочтения за праздничной Литургией. Однако само Послание посвящено другой теме: его цель — напомнить христианам о непреложности Второго пришествия Иисуса Христа. Каким же образом тема Второго пришествия связана с темой Фаворского Преображения? Случайна ли эта связь, или имеет под собой глубокие основания? Попытаемся кратко прояснить этот вопрос.

Призывая своих читателей подниматься по ступеням христианских добродетелей веры, рассудительности, воздержания, терпения, благочестия, братолюбия и любви (1, 5-7), апостол пишет о цели этого пути наверх, о входе в вечное Царство Господа и Спасителя Иисуса Христа (1, 11). Этот «бо-

гато обеспеченный вход» (так буквально) напоминает о триумфальной встрече победителя, который на пути к победе преодолел все трудности и препятствия.

Проявляя пастырскую заботу, апостол Петр считает необходимым постоянно напоминать братьям об основах христианской веры и поведения. Эти напоминания особенно нужны в связи с тем, что апостол предвидит свой скорый «исход» из этого мира в мир иной (1, 15). Это слово приводит на память спасительное событие исхода народа Божия из Египта. Земная жизнь при этом сравнивается с временным пребыванием в походной палатке («скинии» по-гречески). Это напоминает нам о странствии Израиля в пустыне, о жизни в шатрах на пути в землю обетованную. Все мы знаем, что мы временные жильцы в этом мире, и что наша жизнь здесь — путь в мир вечный. Да, наше земное тело, этот

«скудельный сосуд» — походная палатка, которую каждому из нас предстоит с себя сбросить, как ветхую одежду. Апостол Петр смотрит на смерть не как на конец, а как на исход в обетованную новую землю Божию. О своей близящейся кончине он не только знает сам, но и получил о ней откровение от Господа Иисуса Христа. Апостол заверяет, что он приложит все усилия, чтобы христиане и после его смерти помнили все, о чем он благовествовал при жизни (1, 15). Возможно, здесь он имеет в виду воспоминания, которые он оставил своему помощнику Марку. Эти воспоминания, согласно преданию, и легли в основу Евангелия от Марка, которое в древности иногда называли «Евангелием Петра».

Переходя к основной цели своего послания, к откровению о Втором Христовом пришествии, в котором многие начали сомневаться и даже отрицать таковое, апостол обосновывает свое право учить о Парусии тем, что он, как и двое других учеников Господа, был удостоен видеть Преображение Иисуса Христа. При этом вместо привычных слов «очевидцы» или «свидетели» употребляется торжественное «созерцатели» (1, 16). Так античные греки называли людей, достигших высшей ступени посвящения в таинства страданий, смерти и воскресения какого-нибудь бога.

Обычно событие Преображения понимается как предвосхищение прославления Иисуса Христа в Его Воскресении. Но апостол Петр понимает Преображение как предвкушение торжествующей славы Второго пришествия. Почему так? При внимательном чтении Евангелий мы замечаем, что действительно: все три рассказа о Преображении в синоптических Евангелиях следуют непосредственно за пророчеством Иисуса Христа о Своем Втором пришествии: «Истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Сына Человеческого, грядущего в Царствии Своем» (Мф. 16, 28). Эти слова Господа направляют наше внимание на пророчество Даниила о Сыне Человеческом. «Видел я в ночных видениях, вот, с облаками небесными шел как бы Сын Человеческий, дошел до Ветхого днями и подведен был к Нему. И Ему дана власть, слава и царство, чтобы все народы, племена и языки служили Ему; владычество Его — владычество вечное, которое не прейдет, и царство Его не разрушится» (Дан. 7, 13-14). Детали этого пророчества и воспроизведены в рассказе о Преображении: осеняющее Иисуса Христа светлое облако, голос Бога Отца, который раздается из облака, многозначительные слова, которые наделяют Иисуса Христа честью, властью и славой.

Вслушиваясь в краткое сообщение апостола Петра о Преображении, мы вступаем в сферу высокого богословия. В нем в полной мере проявляется характерное свойство новозаветных писаний — их символизм, их, так сказать, «иконописность». Но этот символизм становится понятным только при внимательном исследовании буквы текста. Проследим некоторые

символы, которые используют в этом рассказе Евангелисты и апостол Петр. С небес, из облака, или, как пишет Петр, «от Величественной Славы», звучит Божественный голос. Но ведь сам факт, что с небес раздался голос Творца, древнему читателю, знакомому с богословскими представлениями иудеев I века, говорил о многом. Дело в том, что в те времена существовало убеждение, что с уходом последнего из библейских пророков, небеса будут молчать до времени пришествия Мессии. И вот... небеса заговорили: Мессия пришел! Это — первое свидетельство рассказа о мессианстве Иисуса. Попутно отметим, что о «Величественной Славе» вместо облака апостол Петр пишет из благоговения перед Именем Божиим, которое не произносилось, но заменялось подобными возвышенными обозначениями. Само же облако — тоже замечательный библейский символ славы, силы, присутствия и помощи Божией.

Следующие доказательства того, что Иисус — обещанный Богом Мессия, — в содержании сказанного небесным гласом. Тому, кто знает Библию Ветхого Завета, слова небесного голоса говорят многое. Так, провозглашение Иисуса Сыном Божиим — напоминание о втором псалме Давида: «Господь сказал Мне: Ты Сын Мой» (Пс. 2, 7). А псалом этот издавна считался мессианским. Слова о благоволении Бога к Его Сыну — напоминание об Отроке Божием, о Котором у пророка Исаии сказано: «Вот, Отрок Мой, Которого Я держу за руку, избранный Мой, к которому благоволит душа Моя» (Ис. 42, 1). Но ведь об этом Отроке далее говорится, что «Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились» (Ис. 53, 5). Иначе говоря, Сын Божий, Божественный Мессия послан спасти мир не своими воинственными победами над грешниками, но послан Своими страданиями и смертью искупить и спасти всех людей, в том числе всех грешников. Наконец, когда Иисус называется Сыном возлюбленным, то это — напоминание о жертвоприношении Авраама. Только в этой истории в греческой Библии возникает выражение «сын возлюбленный» (Быт. 22, 2.12.16-17). «Возлюбленный сын» — Исаак, приносимый в жертву сын! Такова была и участь истинного Мессии — Иисуса. Удивительно! В столь кратких словах, на одной строке текста уместилось целое богословие спасения.

Завершается апостольское чтение заверением в истинности пророческих слов Писания о грядущем в славе и силе Сыне Человеческом. Это произойдет, когда рассеется мрак века сего и настанет светлый День Второго пришествия Того, Кто взойдет как Утренняя звезда, согласно древнему пророчеству: «Восходит звезда от Иакова и восстает жезл от Израиля» (Числ. 24, 17). Радостным предвестием этого грядущего Дня Господа и является день Его славного Преображения.

ТАЙНА УМНОЖЕНИЯ ХЛЕБОВ

ЕВАНГЕЛИЕ В НЕДЕЛЮ 8-Ю ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ

В то время, выйдя на берег, увидел Он множество народа, и сжалился над ними, и исцелил их больных. ¹⁵Когда же наступил вечер, приблизились к Нему ученики, говоря: «Место здесь пустынное, а час уже поздний; отпусти народ, пусть пойдут в села и купят себе еды». ¹⁶А Иисус сказал им: «Им нет нужды уходить; дайте вы им поесть». Они же говорят Ему: ¹⁷«У нас здесь ничего нет, только пять хлебов и две рыбы». Но Он сказал: ¹⁸«Несите Мне их сюда!» ¹⁹И повелев людям возлечь на траве, взяв в руки пять хлебов и воззрев на небо, произнес Он благословение, преломил хлебы и дал ученикам, а ученики — народу. ²⁰И ели все, и насытились, и набрали оставшихся кусков двенадцать полных корзин. ²¹А всего едоков было пять тысяч мужчин, не считая женщин и детей. ²²И тотчас заставил Он учеников войти в лодку и плыть на другую сторону, не дожидаясь, пока Он отпустит народ.

Мф. 14, 14-22

Перевод Сергея Аверинцева

Совсем недавно в Святой земле во время археологических раскопок древнего христианского храма была расчищена мозаика с изображением двух рыб. Подобного рода изображения — рыба или две рыбы с пятью хлебами — были распространенным сюжетом в раннехристианском искусстве. Конечно, это свидетельство и знак чуда — того, в котором Господь двумя рыбами и пятью хлебами насытил тысячи голодных людей. Во всех четырех Евангелиях зафиксировано это событие, и одно из них — личное свидетельство Матфея.

ЧУДО КАК ЗНАК

Своим ученикам Господь говорит, чтобы они остались одни и отдохнули, «ибо много было приходящих и отходящих, так что и есть им было некогда» (Мк. 6, 31). И Сам Он один отправляется на лодке в пустынное место. Но люди, ища Господа, устремились

за Ним, и Христос, увидев это, «сжалился над ними», — потому что они были «как овцы, не имеющие пастыря», и учил их, а больных исцелил. Когда же день приблизился к вечеру, то прежде чем отпустить людей по домам, Господь еще и накормил всех, совершив для этого чудо. Двумя рыбками и пятью хлебами, которые нашлись у одного мальчишка, Господь накормил тысячи человек, так что «ели все и насытились». А чтобы совершенное Им не показалось видением или тем, что в современном мире называется гипнозом, велел ученикам набрать еще двенадцать коробов остатков. (Отметим символику числа двенадцать — это число народа Божия, число патриархов и число судей Израиля, и это число Церкви, куда первыми вошли двенадцать апостолов). Матфей уточняет, что «евших было около пяти тысяч человек», и добавляет: «не считая женщин и детей».

Эти слова, которые могут показаться современному читателю странными, были вполне уместны для Матфея, воспитанного в традициях Ветхого Завета, который, исчисляя народ (книга Чисел), не учитывает ни детей, ни женщин.

Совершая это чудо, Господь, по слову евангелиста, «воззрел на небо» и, прежде чем дать хлеб ученикам, благословил и преломил его. И «преломлением хлеба» книга Деяний и апостольские послания называют Евхаристию — Таинство Причащения. И совершённое Господом чудо преломления хлебов мы воспринимаем не только как проявление Его заботы о людях: для нас это «знамение» — знак: это символ и прообраз Евхаристии. Такое понимание подтверждает и то апостольское зачало, которое Церковь избрала предшествовать евангельскому чтению о хлебах. В нем апостол Павел говорит о богообщении, которое открывается нам в Церкви, в таинстве Причащения: «Чаша благословения, которую благословляем, не есть ли приобщение Крови Христовой? Хлеб, который преломляем, не есть ли приобщение Тела Христова? (1 Кор. 10, 16).

ХЛЕБ ЗЕМНОЙ И ХЛЕБ НЕБЕСНЫЙ

Все четыре евангелиста, которые согласно описали чудо умножения хлебов, затем говорят о разном. У Матфея (как и у Марка) Господь через какое-то время еще раз, теперь уже семью хлебами, насыщает множество людей. А вскоре ученики, услышав предостережение Учителя — «берегитесь закваски фарисейской и саддукейской!» (Мф. 6, 16), — думают, что это упрек в том, что они забыли взять в путь хлеб. И тогда Господь напоминает им, что Он уже дважды накормил тысячи людей парой хлебов, и объясняет, что Он говорит не о мирском и материальном, а о духовном. Так же и тем людям, которые, согласно Евангелию от Иоанна Благослова, насытившись от пяти хлебов, хотели сделать Иисуса царем (ведь идеал земного царства — сытое и довольное общество), Господь адресует упрек: «Истинно, истинно говорю вам: вы ищете меня не потому, что видели чудеса, но потому, что ели хлеб и насытились» (Ин. 6, 26). И Господь призывает их думать и заботиться не о пище тленной, но о пище, «прибывающей в жизнь вечную» (Ин. 6, 27).

Вечная пища и есть Господь, который называет Себя Хлебом, сходящим с небес и дающим миру жизнь. В Священной истории, в которой не бывает случайностей и все полно таинственной символики, Христос рождается в Вифлееме, что на еврейском означает «дом хлеба» (בית-הלח). О Себе Он скажет: «Я есть Хлеб жизни» (Ин. 6, 48), и «Я — Хлеб живой, спешший с Небес; ядущий Хлеб сей жить будет вовек, хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, Которую Я отдам за жизнь мира» (Ин. 6, 51).

Хлеб жизни — Самого Себя — Господь дарует нам в Таинстве Причащения, устанавливая которое, накануне Пасхи, в Великий Четверг, на Тайной Вечере, Он, указывая на Хлеб, говорит ученикам — и всем, через века верующим в Него, — «Возьмите, ешьте («Примите, ядите»), это есть Тело Мое»

(Мф. 26, 26). И во время Литургии, на которой вспоминается вся земная жизнь Христа, в одной из священнических молитв отражено Чудо умножения хлебов: подобно тому как тогда Господь раздавал хлеб ученикам, а они — людям, так и теперь священник, прежде чем причаститься самому, а затем причастить людей, молится Господу, чтобы Он «державною Своєю рукою преподал нам Пречистое Тело Свое и Честную Кровь, а через нас и всем людям». И само прошение о хлебе — о «хлебе насущном» — в молитве «Отче наш» мы можем понимать не только как прошение обо всем необходимом нам в этой жизни, но и как мольбу о Таинстве Причащения: о Хлебе, сходящем с Небес. Не случайно поэтому молитва Господня на Литургии возносится перед самым Таинством Причащения. Церковь вспоминает Чудо умножения хлебов и на литии Всенощного Бдения, когда священник просит, чтобы Господь, «благословивый пять хлебов и пять тысяч насытивый», Сам благословил хлеб, а также пшеницу, вино и елей, и умножил их — «во всем мире», и через них освятил верующих в Него.

ЗНАК ВЕРЫ

Такова основная символика и значение хлеба в Писании и молитвенной жизни Церкви. Но и рыба, послужившая чуду, сотворенному Христом, тоже имеет свое символическое значение. Большинство апостолов были рыбаками, через чудесный улов призвал их Господь следовать за Ним, а после Воскресения через новый чудесный улов Господь укрепил их в вере. И на греческом языке, самом распространенном в Римской империи, на котором и был зафиксирован Новый Завет, «рыба» — «ΙΧΘΥΣ» (ΙΧΦΙΣ). И это слово может быть прочитано как аббревиатура, которая расшифровывается так: Ἰησοῦς Χριστός Θεοῦ Υἱός Σωτήρ, то есть — Иисус Христос Божий Сын, Спаситель. Это не что иное, как краткое исповедание нашей веры. Поэтому с древних времени христиане часто украшали места своих молитвенных собраний изображениями рыб. Впервые в святоотеческой литературе именование Иисуса Христа «рыбой» мы встречаем у Квинтия Септемпия Флоренца Тертуллиана. Он называет Господа греческим словом «ихфис» в своем написанном на латыни трактате «О Крещении». То есть к концу II века, когда жил Тертуллиан, это понимание знака рыбы было общеизвестно.

Принимая Таинство Крещения «от воды и духа», мы рождаемся для жизни со Христом; а участвуя в Таинстве Причащения, мы таинственно питаемся Хлебом, спешшим для нас с Небес. Так все, что было за века и за тысячелетия до нас, все, о чем мы читаем в Священном Писании, становится нашей жизнью. И то чудо, которое сотворил Господь, насытив двумя рыбами и пятью хлебами пять тысяч человек, не считая женщин и детей, говорит нам уже о нашем участии в Христовых чудесах, о нашем участии в Его жизни, о нашей причастности Ему, о Таинстве Причащения Святых Христовых Таин. Аминь.

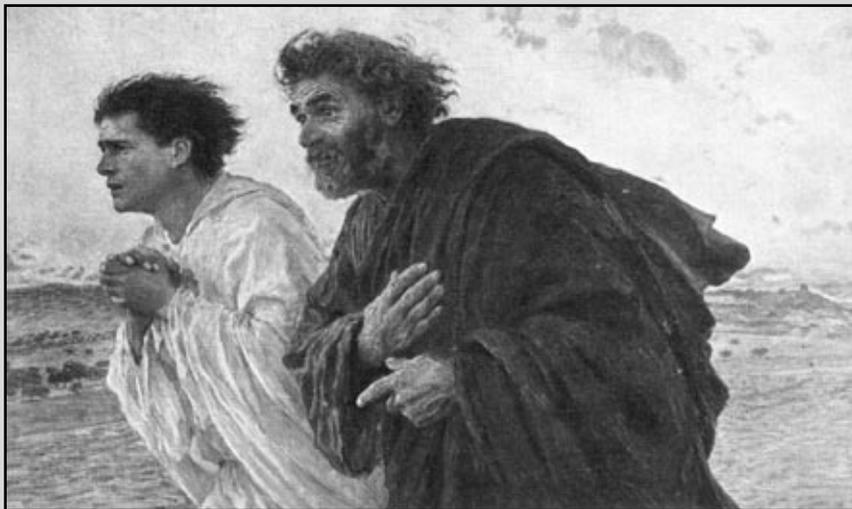
Иерей Михаил Браверман

ПАРАДОКС СЕРДЕЧНОЙ ЧИСТОТЫ

«БЛАЖЕННЫ ЧИСТЫЕ СЕРДЦЕМ, ИБО ОНИ БОГА УЗРЯТ» (Мф. 5, 8)

Приблизилось Царство Божие, но кто удостоится войти в него? В отличие от земных империй, Царство Небесное невозможно захватить или построить усилием человеческой воли. В Евангелии оно представлено как достояние, которое получают в наследство. Блаженства говорят не о том, чего человек должен добиться — разве можно своими усилиями стяжать чистоту сердца? В них перечисляются те дары, которые Бог готовит избранным Своим.

Блаженство это обращает наш взор к сердцу. Читатель может подумать, что речь идет об «эмоциях», противопоставленных «разуму». Однако иудеи связывали разные чувства далеко не только с сердцем. Гнев помещался в носу, жалость — в утробе. Сердце же означало «внутреннего человека» вообще, особенно же — его разум и волю. Таким образом, наше блаженство говорит не о вместимости чувств, а об источнике всех наших действий и желаний. «Блаженны чистые сердцем» можно перевести примерно так: «Блаженны те, в ком чист источник жизни».

Христос настаивает, что нравственность, которой Он учит, относится именно к сердцу. Никакая внешняя праведность Его не удовлетворит. Ему безразлично, что мы «хорошо себя ведем»; Его не восхищает внешняя чистота, которую он видит у фарисеев. Если сердце наше дурно, мы нечисты, как бы тщательно мы ни мыли руки (см. Мк. 7, 3). Надо «обратить глаза в душу» и очистить источник наших действий.

Сделать это можно только Святым Духом. Он послан нам Богом как источник воды Живой (см. Ин. 7, 38). Тут придется уточнить. Бес приходит извне, как чужой; Бог же действует изнутри нашего сердца, нашей свободы. Реки воды живой текут из нашего чрева. Новая жизнь истекает из самой нашей глубины. Человек призван быть образом и подобием Божиим, и благодать Духа вос-

становливает в нас этот образ и подобие. Нашу истинную сердцевину дает нам Бог, живущий в нас. «Не я живу, — говорит Апостол, — но живу во мне Христос» (Гал. 2, 20). Наша глубочайшая сущность — Сам Бог. Лишь потому, что Он живет во мне, я могу назвать себя «я». Истинный источник того, что я — это я — только Бог. По блаженному Августину, Бог глубже во мне, чем я сам. Бог — сердце нашего сердца.

Чистые сердцем знают, что сердце их — в тайне Божией, и потому постоянно стремятся не считать источником своей жизни самих себя.

Чистые сердцем — это те, чья жизнь, чьи действия и мысли идут из сокровенной глубины. Их сердце не просто создано Богом и как бы «брошено на их произвол»; оно непрестанно обновляется всегда новой жизнью.

Если мы сможем очистить этот источник и позволим Богу воссоздать нас из сокровенной глубины, мы будем иначе жить и иначе видеть. Кто как живет, тот так и видит. И наоборот: кто как видит, тот так и живет. Если мир для вас мрачен, и жить вы будете невесело. Если же наша жизнь укорена в Боге, мы увидим мир, как видит его Бог. А Бог видит все тварное в вечном и светоносном видении Себя Самого; потому Он и может сказать, что все «хорошо весьма».

Когда сердце наше чисто, мы тоже увидим Бога. «Для чистых все чисто» (Тит. 1, 15). Чистые сердцем не видят зла в том смысле, в каком, со-

гласно пророку, не видит его Бог (см. Авв. 1, 13). Куда бы они ни посмотрели, они узрят Бога, неистощимого и по-разному являющего Себя.

Не надо понимать это по-детски. Это не значит, что, увидев бабочку, мы слащаво умилимся и скажем: «Какая красота!». Чистый сердцем может увидеть Бога, глядя на избитого, окровавленного, распятого человека. Конечно, до этого не дойдешь, не научившись смотреть на бабочек. Христианские богословы нередко учили, что первый плод чистоты сердца — умение видеть мир. И Ориген, и святой Кирилл Иерусалимский, и многие другие учат нас, что красоту и величие Бога сумеет увидеть лишь тот, кто видит красоту и величие твари. Видеть правильно тварный мир — значит ему дивиться. Недаром Аристотель говорит, что удивление — начало премудрости; причем «удивление» для него включает в себя и радость.

Но не только красота, и лад, и тайна тварного мира ведут нас сквозь «видимое» к «невидимому». Очищение сердца должно привести к той невинности, которой обладали первые люди до грехопадения. Тема эта непрестанно повторяется в святоотеческой словесности. Особенно интересно, что, очистив сердце, человек теряет тот «дух боязни», о котором говорит апостол Павел (2 Тим. 1, 7). Падший человек пытается преодолеть этот дух самоутверждением, властью, но чистый сердцем способен смотреть без страха на все, даже на грех.

Связь чистоты сердца с таким зрением хорошо выражена в одной притче: Авва Пимен сказал, что, достигнув того состояния, о котором говорит Апостол («для чистых все чисто»), он ощущает самого себя ниже всякой твари. Брат спросил его: «Как могу я ощущать себя ниже убийцы?» Старец ответил: «Увидев убийцу, ты помыслишь, что он убил лишь единожды, ты же убиваешь ближнего каждый день».

Чистота сердца просветляет взор так, что мы смиренно видим Божие в грешнике сквозь все его грехи. Более того: мы его жалеем, понимая, что грехи эти приносят ему много больше зла, чем кому бы то ни было. Именно поэтому грех должен вызывать сострадание, а не гнев.

Можно пойти и дальше. Можно увидеть, что всякое зло — лишь искаженное добро. Человек, чьи желания не верны, в глубине ищет какого-то смутного подобия истинной любви. Даже человек, стремящийся к самой гнусной жизни, стремится к жизни. Чистый сердцем увидит в любом зле то добро, которое оно искажило. Преподобный Роман Сладкопевец говорит о блуднице, что только Христос может дать ей то, что она искала в прелюбодеяниях. Нечистая страсть была как бы раздавленным опытом любви.

Если мы очистим источник жизни в нас, мы сможем в любом положении видеть Сущее — Бога. Чистый сердцем находит в себе силу посмотреть прямо на что угодно и сказать: «Здесь тоже Бог». «Свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (см. Ин. 1, 5).

Глупо думать, что неба лучше всего достигнуть с шпорами на глазах. Иногда, по слабости, мы вправе чего-нибудь не видеть, но как жизненная философия это не годится. Мы не увидим Бога яснее, если сузим поле зрения.

Чистота сердца проясняет взор. Она прямо противоположна цинизму и мирскому здравомыслию. Циник «видит насквозь» все доброе и находит за ним мерзость; чистый сердцем видит насквозь зло и находит за ним Бога.

Противоположно это и мнимой «невинности», которая закрывает глаза на все неприятное. Как учит преподобный Антоний: «Никто не может войти в Царство Небесное, не будучи испытан; устраните искушения, и никто не спасется». Традиция отцов-пустынников полагает, что духовно зрелый монах не бежит искушений, но борется с ними. Избегая зла любой ценой, мы теряем силу добра.

Если мы хотим такой чистоты сердца, которая даст нам силу ясновидения, мы должны не страшиться врагов, а принимать на себя их бремя. Просто стараясь быть хорошим, человек может стать разве что чистолюбом. Нравственная жизнь — сложная диалектика добра и зла. В этом мире можно стать совершенным, если ты готов быть несовершенным.

Забывая об этом, мы обретаем такую веру и такую нравственность, которые просто невыносимы для истинно верующего, нравственного, духовного человека. Немалая часть нападок на христианство объясняется тем, что его так сильно опошляют. Настоящие духовидцы не могут этого вынести. Нравственность, приспособленная к требованиям мира сего, лишена той запредельности, которая может поистине тронуть сердце.

В одном старинном тексте чистота совести сравнивается с «подушкой для души». Обрести ее — как прийти домой, чтобы отдохнули усталые ноги. После тяжелой работы греха мы можем отдохнуть в чистоте сердечной. «Отдохните от того, чтобы делать», — переводит блаженный Иероним стих из Исаии. Когда мы обретаем чистоту сердца, исчезает напряжение, даже если остаются и страдания, и духовная борьба. Быть может, самый неудобный вопрос в том, к чему же мы стремимся. Если мы хотим лишь благопристойной, мирской «чистоты», тогда мы не увидим Бога. Но Его ли мы ищем?

Чем дальше мы от чистоты сердца, тем меньше стремимся увидеть Бога. Когда священник возглашает «Горе имеем сердца», нам не часто приходится в голову, что сердце для того и создано. Если бы сердца наши были очищены от всего, что не сердце, они бы сами собой поднимались к Богу.

Когда это произойдет, все в нашей жизни встанет на свое место, все наши способности будут действовать, как замыслил Бог. Даже страдание сияет, если его видишь в Боге, ибо даже его принял Господь как цену за единение с миром. Таков парадокс сердечной чистоты.

Симон Тагуэлл
Перевод Натальи Трауберг

Алексей
Соколов

ВСПЫШКА СЛЕВА

Со времен протопопы Аввакума истории, подобные «пензенскому сидению» регулярно терзают Церковь. Эта проблема стала столь актуальной, что мы уже не видим угрозы, подбирающейся с противоположной стороны.

Принято считать, что, в то время как на Западе Католическая Церковь страдает от обновленцев, мечтающих расширить горизонты христианства на геев и атеистов, у нас «воду мутят», напротив, христианские ультраконсерваторы. Длинные бороды, любовь к старине, недоверие к компьютерам, ИНН и рок-музыке стали для нас визитной карточкой псевдоправославного сектанства. Не без оснований принято полагать, что подобные настроения глубоко проникли в монастыри, и порою кажется, что большая часть Церкви погрязла в этом, а главный признак «адекватности» священника — его либерализм, короткая борода и любовь к европейскому авторскому кино.

Однако именно тут возникает другая, не менее опасная угроза. Идея о том, что вся Церковь погрязла в суевериях, эсхатологии и национализме постепенно превращается в новое для нашей страны явление. В то же псевдоправославное сектанство, но уже *леволиберального толка*.

Тезисы его просты: миссией никто не занимается, царю поклоняются вместо Христа и, разумеется, душат все прогрессивное. Так что лишь несколько известных священников сохраняют кристальную чистоту христианства. Этот вектор не столь велик, как противоположный ему. Однако он берет тем, что вырывает из нормальной церковной жизни самых образованных, молодых и активных людей. Церковную интеллигенцию.

Разумеется, подобные идеи не возникают на пустом месте. Как и в случае с новоявленными старообрядцами, здесь все крайне неоднозначно.

Изъянов в нашей церковной жизни достаточно, а наблюдать их — испытание, которое выдерживают немногие. К тому же дают о себе знать законы псевдоинформационного сообщества. Молодым священникам, которые действительно заняты делом, несут на своих плечах большие приходы, миссионерские группы и бригады волонтеров, подчас некогда вести блоги в Интернете. Зато «обличители», как всегда, пишут много и обстоятельно. Отчего создается впечатление, что «все плохо», а число праведников ограничено парой столичных храмов.

Но история Церкви учит: идеально не было никогда, а жизнь во Христе не терпит снобизма. Ни благочестивого, ни интеллектуального.

Ирина
Левина

ЛЮБОВЬ КО ХРИСТУ

Будем любить Его, потому что Он прежде возлюбил нас» (1 Ин. 4, 19). Христианин — это человек, любящий Бога, это человек, влюбленный в Бога. Но что значит любить Бога? Это такое розовое чувство, возносящее на заоблачные высоты?..

Скажем, я верю и почитаю Бога, иногда даже советуюсь с Ним. Но сказано: «Возлюби Господа всем сердцем твоим». Вроде бы и это исполняю — люблю всем сердцем, как умею.

Любить Бога — это не столько вопрос чувства, сколько вопрос воли. Очень важно перенести акцент именно на волю, на действие, на направленность жизни. Любить Бога — это значит в каждый момент жизни выбирать Его волю и Его путь. Бывает мучительно тяжело действительно заставить себя сделать выбор, а не плыть по течению. Любовь к Богу — это действие, это постоянная боль неспокойного сердца, это жизнь на острие, это невозможность пройти мимо, это принуждение себя вернуться и принять участие в неприятных и напрягающих ситуациях... Любить Бога — это сказать «нет» всем теплым компромиссам.

Любить Бога — это значит делать то, что тебе совсем не хочется. Один выдающийся православный проповедник нашего времени в этом контексте обоснованно употребил образ «обрезания плоти». Любить Бога — означает разрешить Ему преломить твою жизнь и через тебя умножить Его жизнь и явить Его Царство в этом мире. Любить Бога по-настоящему — это очень похоже на самоубийство, потому что связано с умерщвлением собственной самости. Это страшное чувство совсем не розового оттенка.

«Христианство, как раскаленная сталь, вонзается в сердце и испепеляет его. И тогда человек вопит: «Готово мое сердце, готово!» И в этом всё христианство. <...> Христианство падает в душу каждого человека, каждой нации, каждой эпохи и раскалывает их на две части. Одна часть спокойно продолжает жить, как раньше жила, а другая начинает гореть. И эта горящая душа заполняет все вокруг себя, как зараза, как пожар, как поток, как печь огненная.

Раскалённая душа говорит: «Христос меня мучает. Блаженны мучимые Христовой тайной. Блаженно пылающее сердце, потому что оно готово!» — это писала мать Мария Скобцова. «Как хочется научиться так жить и так огненно любить Бога!», — отзывается одна часть сердца. «Ты точно уверена, что тебе это нужно? И розовый тебе больше к лицу», — резонно отвечает другая.

СЛОВО

МАГАЗИН
ХРИСТИАНСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

"Невский проспект" (выход на Канал Грибоедова)

«СЛОВО»

Малая Конюшенная

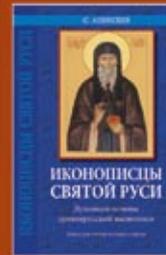
Более 10 000 наименований книг – по всем аспектам христианства. Большой ассортимент аудио и видео кассет, изобразительной и сувенирной продукции.

К вашим услугам: интернет-магазин и отдел "книга-почтой"

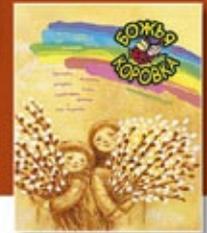
191186, Санкт-Петербург, ул. Малая Конюшенная, 9
тел.: (812) 571 20 75, факс: (812) 312 52 00
e-mail: slovo@peterlink.ru www.slovo.net.ru

ЕЖЕГОДНЫЙ
ОФИЦИАЛЬНЫЙ
СПРАВОЧНИК
Санкт-Петербургской епархии

Новая книга об иконописи в серии «Зримая истина»

БОЖЬЯ КОРОВКА
иллюстрированный детский православный журнал

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛАДАН

Оптовая, розничная и Интернет-продажа православной литературы. Доставка по СПб и области. Первый в Санкт-Петербурге ПРАВОСЛАВНЫЙ БУКИНИСТ

Склад-магазин:

СП-6, ул. Решетникова, 13
тел.: (812) 388 59 89
e-mail: publishing@MobyPrint.ru
www.LadanSpb.ru

Православный Паломник

Ваш верный попутчик

Адрес редакции: 119192, Москва, Мичуринский проспект, д. 8/29
Тел.: (499) 783-4387, факс: (495) 147-7969

Подписные индексы: 42093 (каталог "Пресса России"),
81274 (каталог "Газеты. Журналы" Роспечать)

ЧЕЧНЯ – РАЗНАЯ

БЕСЕДА С ИЕРЕЕМ ДИМИТРИЕМ ВАСИЛЕНКОВЫМ

Фото из архива иерея Димитрия Василенкова

Иерей Димитрий Василенков, заместитель председателя Отдела по взаимодействию с вооруженными силами и правоохранительными учреждениями Санкт-Петербургской епархии, в начале июня вернулся из миссионерской поездки по Чеченской республике. В интервью корреспонденту «Воды живой» отец Димитрий признался, что все дни, проведенные им в Чечне, были чем-то похожи друг на друга. Крещение, беседы, раздача подарков, молебны, каждый третий день — отъезд в другое воинское подразделение. И так на протяжении месяца.

Отец Димитрий, Вы были в Чеченской республике уже не первый раз, видели ее разной, можете сравнить. Расскажите, насколько изменилась Чечня за последнее время?

— Чечня — разная. Очень сильно изменился за это время Грозный. Уже нет тех руин, город восстанавливается. И наши воинские подразделения, базирующиеся на территории республики — гарант спокойствия мирному населению.

— Какие подразделения Вы посещали?

— В основном отряды спецназов различных силовых структур, вертолетный полк и петербургский ОМОН, подразделения 42-й дивизии Министерства Обороны и 46-й бригады Внутренних Войск.

— Они расположены в «горячих точках» или в более-менее мирных районах?

— Как правило, они расположены в местах неспокойных, часто — горных местах Чеченской республики. Крупномасштабных боевых действий там уже нет. Хотя все равно за ребят нужно молиться, они нуждаются в присутствии священника в армии. Когда гибнет сто человек — это трагедия, но один-два-три человека — трагедия не меньшая, ведь за ней стоят семьи, друзья, слезы.

— Среди солдат много верующих?

— Да. Соприкосновение с вечною на войне — норма. Правильно говорят, что на войне нет атеистов. Да и солдаты взрослеют намного быстрее своих сверстников, остающихся в миру. На войне год засчитывается за три. В эту поездку Святое Крещение приняло сто три человека. Очень часто бывало, что вечером я приезжал, общался с бойцами, а утром они приходили и крестились. А так как в армии всех сразу собрать невозможно и мне приходится подстраиваться под военную

жизнь, а не военным под меня, то Таинство Крещения часто шло весь день. Иногда необходимой церковной утвари с собой не было и приходилось обходиться подручными средствами. Ведь в некоторые подразделения мы заезжали совсем на короткое время, и я понимал, что в следующий раз могу попасть сюда лишь через год. А сколько за этот год может произойти! Поэтому исходил из имеющихся возможностей.

— **Кстати, церквей и часовен на территории воинских частей в Чечне много?**

— Да. Командование и бойцы стараются устраивать их в военных частях, понимая, что военнослужащим очень важно, чтоб было место для уединения, молитвы, которое поможет им побыть в условиях, отличных от военных, даст возможность сосредоточиться, укрепиться. Ведь будет вера — будут победы. Будет Армия непобедима. Святой благоверный князь Александр Невский говорил: «Братья, нас мало, враг силен. Но не в силе Бог, а в правде».

— **Наверное, на войне не только вера, но и суеверия появляются?**

— Мне очень часто приходилось с подобным сталкиваться в поездке. Например, летчики никогда не фотографируются перед взлетом. Солдаты в некоторых подразделениях перед выходом на боевую задачу стараются не мыться, а в других — наоборот, моются и одевают чистое белье. Лучшее в таких ситуациях — личный пример. Я нарушал все, чему они предавали значение, а потом сообщал военнослужащим, что жив-здоров. Объяснял, насколько важно упование на Бога. Но наша Армия — плоть от плоти нашего общества. И все, чем общество болеет, распространяется и на нее. Многие здесь очень трепетно относятся к вере, но совсем ее не знают. Сказываются долгие годы безбожного воспитания, отсутствие религиозного образования.

— **А о чудесах Вам приходилось слышать?**

— Чудес много. Настолько, что даже привыкаешь и перестаешь как-то особенно их воспринимать. Однажды перед выходом воинов на боевую задачу я отслужил молебен, окрестил солдат, и во время боевого столкновения все они чудом остались живы. А молитвы помогли выкарабкаться молодому бойцу, у которого были смертельные ранения. Или вот еще один случай. Снаряд попал в палатку, а там, на двухъярусной кровати, стояла святая вода в пластмассовой бутылке. Снаряд разорвался над кроватью, и при этом все остались живы. Но все-таки это не главное чудо. Для меня чудо, когда ребята осознанно приходят креститься, когда я вижу свет в их глазах.

— **Расскажите, пожалуйста, из чего состоял Ваш обычный день в Чечне?**

— Все дни были похожи один на другой. Это Святое Крещение. Серебряные крестики в подарок. Мы привезли около трех тонн различных подарков, все они собраны в рамках акции «Пас-

хальная посылка солдату». Акция проводилась в апреле этого года по благословению митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира, при участии прихожан Санкт-Петербургской епархии, православных гимназий, духовных школ и жителей нашего города. Совершение молебнов о здравии воинов, если есть раненные — о недужных, панихид, если есть погибшие. И постоянное, я бы сказал, круглосуточное общение, беседы, которые помогали бойцам разобраться и с собственными житейскими или, армейскими проблемами, и с проблемами духовными. Влияние священника на поведение воинов действительно огромно, и это основная цель наших поездок.

— **Вы достаточно много перемещались по Чеченской республике. Это было не опасно?**

— Там уже нет активных боевых действий. Тем не менее я всегда был с сопровождением от той части, в которую направлялся. В целом я чувствовал себя относительно спокойно.

— **Но отсутствие линии фронта — это ведь возможность неожиданного удара?**

— Во-первых, мы знали о местах пребывания боевиков и старались это учитывать. Во-вторых, если честно, когда ты там — голова забита одним: только бы все успеть. И потом: живаешься в местную жизнь и привыкаешь к опасностям.

— **А как Ваша семья относится к таким поездкам?**

— Переживает. Жена однажды мне сказала: «Когда ты стал сотрудничать с военными, я сразу поняла, что поездки в горячие точки будут обязательно».

— **С каким ощущением Вы уезжали из Чечни?**

— Что перевернута еще одна страница. И нужно идти дальше. Что приобретенный опыт поможет избежать ошибок в будущем, научит их переосмыслению. Я много думаю о том, какие подарки следует привести в следующую командировку. Какие книги наиболее востребованы, какие вещи нужны бойцам.

— **И еще один личный вопрос. Многие священники, занимающиеся «войной», имеют увлечения, связанные с этой тематикой. Кто-то собирает гильзы, кто-то амуницию. А Вы?**

— А я фотографирую. Очень люблю снимать животных, они делают нашу жизнь светлее, добрее, теплее. И очень украшают военные будни. Мои снимки — это солдаты с кошками, собаками. И просто животные, живущие в горах. Обычная мирная жизнь, которой там так не хватает.

ОДЕТЫЕ КУЗНЕЦАМИ

ДРЕВНИЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ БИБЛИИ

«Недуг прервал мою жизнь и лишил меня физической силы; затем погрузил меня в воду и, вынув, повесил на солнце, которое опалило все мои волосы. После этого острый нож вонзился в меня и счистил все мои изъязны. Пальцы сложили меня, и птичье перо двигалось по моей коричневой поверхности. Оно то и дело ныряло в чернильницу, чтобы снова напиться и долго путешествовало по мне, оставляя темный след. Потом человек связал меня, обернул кожей и украсил золотом. Я был одет дивной работой кузнецов и пронзен блестящим металлом».

та средневековая загадка подробно описывает процесс создания книг Евангелия, начиная с изготовления листов пергамента — основы для письма — до написания текста, и красочных миниатюр, укрепления позолоченных пластин на переплете. Вплоть до изобретения печатного станка Иоганном Гуттенбергом в середине XV века изготовление книг было долгим и кропотливым делом, требующим не только знаний, но и профессиональных умений.

Рассказывая о древних Библиях, нельзя не упомянуть о том, что сама форма книги в виде кодекса, которой мы пользуемся сейчас, возникла в первые века нашей эры, придя на смену древнему папирусному свитку. Как рассказывает Плиний Старший (ок. 24-79), пергамский царь Эвмен II, правивший во II веке до нашей эры, задумал основать большую библиотеку, для чего велел купить в Египте папирус. Однако египетский фараон, гордившийся славой Александрийской библиотеки, запретил вывоз папируса. Тогда жители малоазиатского города Пергам изобрели новый материал, который изготавливался из выделанной и специальным образом обработанной овечьей, козьей или телячьей кожи — пергамен. Этот материал был намного прочнее и долговечнее папируса. Его эластичность и способность сгибаться позволили складывать его в тетрадки и затем сброшюровывать в единый том.

На фрагменте германской миниатюры XIII века внутри инициала «О» можно видеть монаха, проверяющего выставленный на продажу пергамен. Позади изображена деревянная рама, на которой растянута кожа, и нож полукруглой формы, с помощью которого обрабатывали поверхность будущего листа.

Главная книга христианского мира — Библия — дошла до нас в бесчисленном количестве списков на разных языках. Конечно же, изначально текст Ветхого Завета был записан на древнееврейском языке, а в III—II веках до Рождества Христова книги Ветхого Завета были переведены на греческий язык. Этот перевод известен как Септуагинта, или перевод семидесяти толковников. В конце IV века от Рождества Христова святой Иероним перевел Ветхий и Новый Заветы с греческого языка на латинский. Богодухновенный перевод Иеронима до XVI века был наиболее авторитетным, он получил название Вульгата, то есть «общеизвестный».

Библию читали, переводили, изучали и иллюстрировали. И в том, как украшали тексты Ветхого и Нового Заветов, нет ничего от современного понимания задач украшения книги, когда картинка в тексте, как правило, что-то нам поясняет, развлекает или просто улаживает наш взор. В раннехристианское время и в период средневековья под иллюстрацией [латин. *illustratio* — освещение], то есть дословно «освещением» текста, понимался совершенно конкретный «свет» — это был свет Божественного просвещения. Страницы богато расцветивались миниатюрами не просто

Въезд Христа в Иерусалим. Миниатюра Евангелия из Россано. VI век. Россано, Епископский музей

для того, чтобы дать пояснение. Эти изысканные украшения мыслились как роскошные реликварии, как драгоценные оклады, блистающие цветными камнями, врезанными щедрой рукой в поверхность листа, вмещавшего в себя бесценное Слово Священного Писания. Что лучше могло говорить средневековому человеку о Боге, чем дивные материалы, Им сотворенные?

Иллюстрированные рукописи Библии дошли до нашего времени в разной сохранности. От некоторых, как, например, от Кведлинбургской Италы (рукописи конца IV — начала V века, содержащей латинский перевод Ветхого Завета), уцелели лишь несколько листов, которые были использованы бережливым архивариусом XVII века как переплетный материал для бумаг; другие сохранились частично, и лишь некоторые — целиком.

Одной из самых древних из известных нам иллюстрированных рукописей Ветхого Завета, является Венская книга Бытия (VI век). От этой рукописи, объем которой предположительно составлял около 200 страниц, сохранилось всего около 50 листов, но даже в таком виде она представляет собой один из наиболее ярких примеров украшения книг. Наряду с Кодексом из Россано и Синопским Евангелием, эта рукопись относится к группе так называемых пурпурных манускриптов. Мастер не просто записал первую книгу Ветхого Завета серебряными чернилами и сделал к ней иллюстрации, но еще и покрыл все страницы манускрипта драгоценной пурпурной краской. Во время царствования византийского императора Юстиниана I (527—565) — а в этот период, по всей видимости, и была выполнена рукопись, пурпур был величайшей роскошью и символом имперского могущества.

Если в папирусных свитках или ранних кодексах иллюстрации всегда отделялись от текста рамой и существовали изолированно, то в Венской книге Бытия мастер творчески использует те возможности, которые дает ему новая форма. Словесное и изобразительное повествование свободно разворачиваются на страницах этого кодекса как кинолента.

Встреча Елиезера и Ревекки. Миниатюра Венской книги Бытия. VI век. Вена. Национальная библиотека

В этой миниатюре, изображающей первую встречу Ревекки и Елиезера, управлятеля в доме Авраама, которого Авраам послал на свою родину, чтобы тот привел жену для его сына Исаака (Быт. 24), использован очень характерный для средневекового христианского искусства изобразительный принцип, когда на пространстве одной страницы совмещены разновременные события. Ревекка изображена дважды: слева мы видим ее с пустым кувшином спускающейся по дороге из города, второй раз мы видим ее у колодца подающей воду Елиезеру и его верблюдам.

Это изображение дает нам удивительный пример сосуществования христианства и позднеантичной культуры. В левой части мы видим полуобнаженную женщину, держащую в руках кувшин, — аллегорическое изображение реки, так характерное для античного мира. Подобные воспоминания об античности сквозь века сохранились даже в пространстве современных христианских изображений. Так, на иконе Крещения Иисуса Христа очень часто Иордан, в водах которого Иоанн крестил Иисуса, изображен в виде бородатого мужчины с кувшином, из которого изливается вода.

Одним из ранних примеров иллюстрированных кодексов Нового Завета является Евангелие из Россано (начало — середина VI века). Эта рукопись сохранила для нас только первые два из четырех Евангелий — от Матфея и частично от Марка. Большая часть листов представляла события новозаветной истории, прокомментированные параллельными местами из Ветхого Завета, которые были приведены на свитках в руках изображенных внизу пророков.

Источником иконографии Входа Господня в Иерусалим является Евангелие, где рассказывается о том, как Христос, сидя на молодом осле, в сопровождении учеников накануне иудейской пасхи въезжает в город, в котором Его распнут. Толпа людей приветствует Спасителя у ворот Иерусалима, возглашая хвалу и устилая дорогу срезанными с деревьев пальмовыми ветвями. Христос изображен въезжающим в Иерусалим согласно тексту пророка Захарии: «Ликуй от радости, дочь Сиона, торжествуй дочь Иерусалима:

се Царь твой грядет к тебе, праведный и спасающий, кроткий, сидящий на ослице и на молодом осле, сыне подъяремной» (Зах. 9, 9). Иллюстратор всегда точно следует богодухновенному слову евангелистов. Так, в соответствии с Евангелием от Матфея, где говорится, что Христос сел на осленка поверх одежд, постеленных учениками (Мф. 21, 7), миниатюрист представляет Господа сидящим на белом плато.

В дальнейшем подробно разработанные сюжеты ранневизантийских рукописей, включая и приводимое здесь изображение Входа в Иерусалим, стали главным изобразительным источником для всего последующего как византийского, так и западноевропейского и древнерусского искусства.

В кодексе из Россано каждое Евангелие впервые предварялось портретом евангелиста. В последующих списках Евангелия такая структура уже возводится в правило, либо изображение всех четырех евангелистов размещается в самом начале книги.

Очень часто рядом с евангелистом мы можем увидеть и его символ. «Четыре зверя», появляются в видениях ветхозаветных пророков Иезекииля (Иез. 1, 1-14; 10, 1-22), а в несколько другой форме у Даниила (Дан. 7, 1-18) и в Откровении Иоанна Богослова, то есть Апокалипсисе (Откр. 4, 7-8). Раннехристианские авторы отождествили четырех животных из ветхозаветных видений с четырьмя евангелистами. На этот счет существовали разночтения, но наибольшее распространение получил вариант блаженного Иеронима: святой Матфей — ангел, святой Марк — лев, святой Лука — телец, святой Иоанн — орел. О том, как живо средневековый монах воспринимал подобные иллюстрации, пишет Умберто Эко в романе «Имя розы»:

«И сразу же был потрясен, увидев на первой странице, в начале перед текстом Евангелия от апостола Марка, изображение льва. Это несомненно был лев, хотя львов во плоти и крови я не видал никогда. Но миниатюрист, конечно, в точности воспроизвел его телосложение, вдохновляясь созерцанием местных львов... Огромное туловище опиралось на четыре свирепые когтистые лапы, и кудлатое руно походило на драгоценные ковры, которые я видал позднее, привезенные с Востока, в изумрудных и алых чешуях, и сквозь чешуи проглядывали рыжие, как чумной бубон, мощные ужасные сопряжения костей...»

Пожалуй, нигде не вкладывали мастера столько усилий и терпения в роскошное оформление и оформление священного текста, как в Ирландии и Британии. Именно в украшении текста, а не в его иллюстрировании видели свою цель ирландские и британские мастера книжного дела. Буква, само Слово Божие приобретают самостоятельную ценность. В результате первые буквы евангельских текстов вырастают в англо-ирландских кодексах в огромные инициалы, занимающие почти всю страницу, строки текста окружаются точками, обрастают орнаментальными деталями и раскрашиваются в разные цвета.

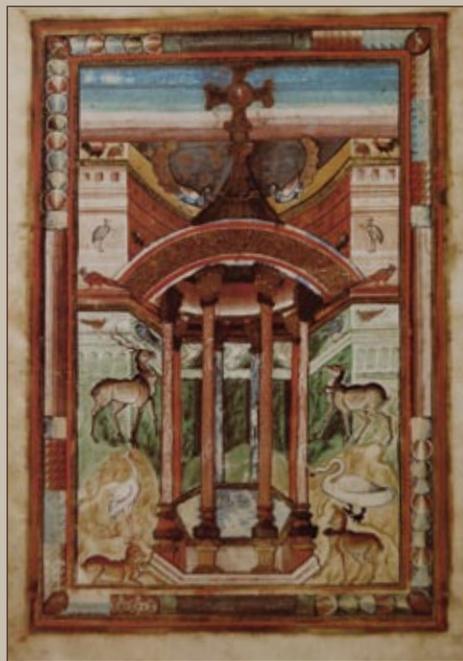
Великолепный образец инициала мы можем видеть в Евангелии из Линдисфарна (конец VII — начало VIII века), латинский текст которого был переведен на староанглийский и добавочно написан между строк. Буквы «Хи» и «Ро» образуют так называемую хризму — монограмму, состоящую из первых букв греческого слова Мессия. Этот знак можно было увидеть еще в катакомбах на надгробных плитах первых христиан, где монограмма указывала на принадлежность покойных к новой вере. Здесь греческие буквы свободно сочетаются с латинскими, формируя слово «Христус», и открывают рассказ о Рождестве в Евангелии от Матфея, начинающийся словами: «Christi autem generatio sic erat...»

Также часто на развороте перед началом текста Евангелия помещали изображение источника жизни. Эта миниатюра являлась наглядным обобщением смысла книги: Евангелие — источник вечной жизни. Этот мотив восходит к толкованию отцами Церкви тех мест из Ветхого Завета и Апокалипсиса, где упоминается об устремляющихся к источнику зверях или птицах. По словам богословов, жаждущие воды существа олицетворяют жажду вечной истины и спасения через крещение. Первые изображения «Источника жизни» появились, по-видимому, на Востоке, в искусстве каролингов этот источник приобрел форму увенчанного крестом колодца под балдахином и в таком виде перешел в более поздние рукописи. Жаждущие испить воды жизни — олень и пеликан, павлины и голуби — животные и птицы, связанные с древними христианскими символами.

Особое значение придавалось материалам, которые использовались для украшения книг Библии, например, золоту, которое для средневекового человека отражало сияние вечной жизни. Писец придворной каролингской школы Дагильф (конец VIII века) считал применение золота в воспроизведении текста Священных книг необходимым, «ибо золото букв Священного Писания служит обещанием бесконечной ценности небес-

Инициал «Хи»-«Ро». Евангелие из Линдисфарна. Конец VII — начало VIII века. Лондон. Британская библиотека.

«Источник жизни». Евангелие святого Медарда из Суассона. Начало IX века. Париж. Национальная библиотека

ного царства». Как правило, в украшении книг была задействована богатая палитра красок, некоторые из которых были завезены из Средиземноморья и были очень дорогими: такие как пурпур, о котором мы уже упоминали, или лазурит, единственным источником которого в средневековье был Афганистан.

Исполнение рукописей, с их безупречной каллиграфией и богатейшей декорировкой, требовало от писца и миниатюриста не только высочайшего искусства, но и чрезвычайной усидчивости. В бенедиктинских и ирландских монастырях изготовление книг специально предписывалось уставом и было одной из главных обязанностей монахов. Этот способ служения Богу был вместе с тем и тяжелым трудом. «Три пальца пишат, но работает все тело», — гласит средневековая пословица. «Не умеющий писать не может оценить такую работу, — читаем мы в приписке некоего мастера Петруса, сохранившейся в конце испанской рукописной книги, созданной в конце XI — начале XII века. — Попробуйте сами, какой это великий труд, какой это тяжкий груз. Он губит зрение, сгибает спину, разрывает желудок и бока, наносит вред поянице, подвергает длительному испытанию все тело. Поэтому, о читатель, перелистывая медленно страницы и следи за тем, чтобы не держать пальцы на тексте. Невежественный читатель,

приводящий в негодность книгу, подобен граду, уничтожающему урожай земли».

Рассматривая древние иллюстрированные Библии, мы не должны забывать о том, что большая часть средневекового христианского мира была неграмотна. Евангелие было главным инструментом проповеди христианства, и исключительная ценность слова Божия была зримо выражена в его богатом украшении. «Душа моя источает слезы, потрясенная, но не от земной суетности своей и не от златолюбия, а от наичистейшей любви к начальной первопричине — к Богу».

В этом году фольклорный ансамбль «Домострой» отмечает двойной юбилей: 25-летие своего основания и десятилетие начала работы Нины Николаевны Артеменко руководителем творческой группы ансамбля. За эти годы неузнаваемо изменился мир вокруг нас. Много событий произошло и в жизни ансамбля, и в жизни каждого из его участников. На счету ансамбля сотни выступлений, участие в фольклорных фестивалях, городских праздниках и научных семинарах, победы в творческих конкурсах, беседы о фольклоре на радио, выставках «Православная Русь» и «Пасхальный фестиваль», мастер-классы по народным играм и работа над озвучиванием художественных и музыкальных фильмов. По материалам фольклорных экспедиций выпущено несколько учебно-методических аудио-кассет и компакт-дисков, готовится к выпуску компакт-диск, посвященный народным духовным стихам. «Домострой» входит в число творческих коллективов, объединенных в Российский фольклорный союз.

ЗАЧЕМ НАМ ФОЛЬКЛОР, ИЛИ ЕЩЕ РАЗ О ТОМ, ЧТО ДЕЛАТЬ

Репертуар ведущих фольклорных ансамблей складывается, как правило, из материалов, собранных в фольклорных экспедициях в отдаленные районы, где сохранились еще в памяти старшего поколения глубинные пласты народной культуры. Полные залы, которые собирают крупнейшие фольклорные форумы, не просто свидетельствуют об огромном неподдельном интересе российской публики к своему национальному наследию. Последовательная просветительская работа фольклорных ансамблей и объединений стала частью общественного движения за национальное духовное возрождение в России и других республиках бывшего Советского Союза.

Всякому понятно, что народная культура неразрывно связана с судьбами народа и наравне с профессиональным искусством, литературой играет ключевую роль в его самоидентификации. Русская традиционная культура — величайшая художественная ценность, созданная гением народа, накопленная и сохраненная в памяти поколений за его тысячелетнюю историю.

«Крестьянский вопрос» с давних времен глубоко волновал умы лучших людей России. Начиная с писателей-славянофилов С. и К. Аксаковых, А. Хомякова, авторов фундаментального собрания русских народных песен братьев Киреевских, публициста П. Энгельгардта и многих других, в русском обществе звучали призывы пристально изучать культуру «простого народа», в коей «мнимая цивилизация и западное просвещение еще не убили благословенных обычаев предков» (В. В. Селиванов). Записи народных песен и сказок А. С. Пушкина, издания сборников народных песен, научные труды академиков А. Соболевского, А. Потебни, бытовые рассказы С. Максимова, очерки Г. Успенского; выставки произведений художников-передвижников, деятельность композиторов «Могучей кучки», музыкальных критиков В. Стасова, А. Серова — вот малая толика гигантских усилий ученых, деятелей искусства России, которые пробуждали и поддерживали интерес общества к глубинным пластам народной жизни.

С изобретением фонографа в конце XIX века у собирателей фольклора — Е. Линёвой, А. Листопадова, Н. Ончукова и других — впервые (после слуховых записей Н. Пальчикова, Н. А. Римского-Корсакова) появилась возможность записи подлинных голосов народных певцов и, что особенно важно, мастеров народного многоголосия.

Настоящей сенсацией для русской публики тех лет стали концерты в Санкт-Петербурге и Москве крестьянского хора Митрофана Пятницкого, выдающейся пинежской сказительницы Марьи Дмитриевны Кривополеновой, онежской «вопльницы» Ирины Андреевны Федосовой.

Имущественное расслоение, отходничество крестьян в города на заработки, частые семейные разделы, нарушавшие патриархальные устои большой семейной крестьянской общины, «просветительская», а на деле «подрывная» работа атеистической революционной молодежи в деревне — все эти черты, характерные для России второй половины XIX века, кардинально меняли традиционную систему ценностей. Последующее революционное лихолетье, Гражданская война, коллективизация и раскулачивание крестьянства, помимо катастрофических человеческих потерь, нанесли непоправимый удар по складывавшейся в течение веков «симфонии» власти и народа, интеллигенции и «малограмотных масс».

Столь пространственный экскурс в историю «крестьянского вопроса» позволяет увидеть, что и в наши дни он все еще остается открытым. Вспомним недавние события: убийственное для крестьянства

постановление о «неперспективных деревнях», выкосившее и так скудно населенные земли и превратившее некогда богатые на урожай угодья в заросшие бурьяном пустоши. Не менее губительной для передачи традиционных ценностей, трудовых навыков новым поколениям оказалась и система сельского школьного образования и воспитания детей в отрыве от семьи, в школах-интернатах, а по сути — детских резервациях.

Академик Дмитрий Лихачев охарактеризовал понятие эволюции прогресса не только и не столько как процесс непрерывного поступательного развития, научных открытий, но и как цепь величайших, невосполнимых для человеческой культуры потерь. Картина невиданного обнищания деревни, духовно-нравственное оскудение, о котором с болью писали Василий Белов и Федор Абрамов, убогость сельской клубной самодеятельности по сравнению с традиционными народными и церковными праздниками подтверждают эти слова.

Наряду с этим 1970-е годы зарождается так называемое фольклорное движение, охватившее поначалу крупнейшие города России, а затем и российскую провинцию. Возникают молодежные фольклорные ансамбли Дмитрия Покровского, Ленинградской и Московской государственных консерваторий, «Казачий круг», «Народный праздник», ансамбли ЛГУ (впослед-

«Домострой» на фестивале «Мировая деревня» в Рощино, 2002 год

ствии «Домострой») и Вологодского педагогического университета, «Забава» (Саратов), ансамбль сибирской народной песни под управлением Вячеслава Асанова; детские фольклорные студии «Веретенце» (Москва), «Истоки» (Подольск), «Лучина» и «Горница» (Санкт-Петербург) и др.

С приходом на сцену фольклорных ансамблей непривычные, будоражащие звуки старинных песен и обрядов, нарушившие размеренность и спокойствие классических концертных залов, яркие краски старинных одежд, изумившие всех своей неожиданной авангардностью, буквально ворвались в нашу жизнь.

Столь яркое культурное явление было обусловлено несколькими объективными причинами. Среди них — угасание традиционных жанров фольклора на селе; ощущение недостаточности сухого, кабинетного изучения фольклора и исследования его лишь на бумаге для сохранения и передачи его последующим поколениям. Отсюда — поиски путей практического освоения местных песенных традиций в их наиболее достоверной, аутентичной интерпретации и неприятие особенностей концертной практики тех лет, навязанных идеологами от культуры в качестве эталонного самодеятельного исполнения народных песен типа «народного хора», популяризовавших стилизованный, упрощенный образ колхозника — «ура-патриота» и воспевателя трудовых колхозных будней.

Немаловажно, что во главе многих известных фольклорных ансамблей — талантливые музыканты, блестящие ученые-фольклористы. Их усилиями за прошедшие десятилетия сформировалось новое научное направление «практическая или экспериментальная фольклористика», и явилась новая категория исследователя фольклора — «поющий музыковед».

В практике фольклорного движения участники фольклорных групп, горожане, чаще всего не являющиеся прямыми носителями песенной традиции, постигают ее в репетиционном зале. Материалом для изучения служат им аудио- и видеозаписи традиционного фольклора, привезенные из фольклорных экспедиций. Без этих поездок в отдаленные деревни, без тесного, живого общения с народными певцами, без многократных прослушиваний, анализа собранных материалов качественное освоение местной песенной

традиции было бы, на наш взгляд, крайне затруднено и не принесло бы искомого результата.

Помимо научных и практических задач, перед каждым коллективом встает целый ряд вопросов, в том числе и из разряда «вечных», онтологических.

Фольклорный ансамбль или клуб для большинства его участников — это не столько способ организации досуга или хобби, сколько создание гармоничной среды обитания. Это попытка оптимизировать само бытие современного человека, отчужденного от земли, от традиционного изустного способа передачи знаний и опыта, от всей многовековой духовной и материальной культуры народа. Это сознательное противопоставление потоку негативной информации, агрессивности средств массовой информации, культивирующих дух западного индивидуализма и потребительства, — духа соборности, общности; урбанистической, «маргариновой» псевдокультуре — культуры подлинной, неподменной, языку андеграунда, китча — «великого и могучего», цветистого, образного языка наших предков.

Есть среди необозримого моря шедевров народной поэзии произведения, которые могут быть поставлены в один ряд с величайшими творениями человеческого гения.

Высота ли — высота ль поднебесная,

Глубина ли — окян-море...

Это воистину библейские по силе и красоте глаголы по своему строю, ритмике. Как далеки они от того мутного словесного потока, который подчас изливается на нас с экранов телевизоров и радиорепродукторов и кажется таким «крутым» в глазах наших детей!..

В противовес негативным процессам в современной культуре, «экология человека, экология культуры» становится одним из важнейших направлений в общественно-просветительской деятельности фольклорных ансамблей.

Восстановление утраченных традиций оказывается невозможным без знакомства с историей края, трудовыми традициями, нравственно-этическими нормами, традициями воспитания, празднично-обрядовой сферой материальной культуры, включающей традиционный костюм, жилище, обрядовую и повседневную кухню, хозяйственную утварь. Такой подход к предмету изучения способствует проникновению, «прорастанию» в основу основ мировосприятия русского человека, крестьянина-землепашца — его общинный дух, память о предках, любовь к земле, своему роду-племени, ко всякому творению Божию и уважение к делам рук человеческих.

Действительно, жизнь обычного современного горожанина, не связанного общинными отношениями, носит более-менее стихийный, личный характер, зависящий от его личной воли и жизненных обстоятельств. Жизнь же земледельца (в традиционном обществе) с самого рождения и до смерти является жизнью «обрядовой», регламентированной обрядом, и подчиняется

непреложному закону цикличности. В основе его календарный год: смена времен года и соответствующих им крестьянских сельскохозяйственных работ, смена труда и отдыха, будней и праздников.

С установлением христианства на Руси, с проникновением его во все сферы народного самосознания, культуры и жизненного уклада, следование принятым нравственно-этическим нормам, неукоснительное исполнение обычаев «древлего благочестия» приняло истинно религиозный характер. Сознательный отказ от предписанных обычаев ритуалов, забвение традиций расценивалось как легкомысленное и опасное своеволие, как нарушение христианских заповедей и могло навлечь, по мнению крестьян, различные бедствия.

*...Уж мы злат венец приняли,
Закон Божий исполняли.*

В поэтической форме народная свадебная песня выражает основной нравственный закон. Любая житейская нужда — первый выгон скота в поле, болезни, падеж, начало сева или прошение дождя в засуху, рождение ребенка или свадьба — все в сознании русского крестьянина имело помимо чисто житейского значения и обоснование в его вере, находило своих святых заступников пред Богом и покровителей.

Признаемся, традиционные народные песни, обряды редко услышишь и увидишь ныне в естественной для них обстановке, на сельском празднике, за столом или на молодежной вечеринке. Совсем сказочной стариной веет уже от встреч с живыми исполнителями героических былин, описанных А. Григорьевым и О. Озаровской. Однако фольклорные ансамбли в экспедициях не только иницируют «фольклорную ситуацию», заставляя пожилых людей вспоминать свою молодость и давно забытые песни, но и возвращают к жизни важнейшие для России культурные архетипы.

Так, ситуации, возникающие в период фольклорной экспедиции, весьма схожи с традиционным паломничеством по святым местам: длительные переходы, встречи, дорожные рассказы странников, ночлег у незнакомых, случайных людей; расспросы, откровенность, ни к чему не обязывающая, но позволяющая раскрыться рассказчику. Установившиеся нормы этикета — традиционное гостеприимство, оказываемое собирателям местными жителями, — продолжают традицию нищелюбия, лежащую в корне православной культуры: искренняя радость от встречи с путником, готовность накормить, обогреть, приветить, наделить «на дорожку».

Сами условия существования, особенности работы собирателей «в поле» являются прямым продолжением традиций странничества. Экспедиция — это подчас и школа выживания в условиях экстраординарных: затяжных дождей или 50-градусной жары, многокилометровых пеших переходов или... землетрясения. Многих, впервые попавших в экспедицию, поражает аскетизм,

«Поистине <...> в развитии этого мира ничто не проходит бесследно, ничто не теряется и не исчезает: ни одно слово, ни одна улыбка, ни один вздох... Кто хоть раз доставил другому радость сердца, тот улучшил тем самым весь мир; а кто умеет любить и радовать людей, тот становится художником жизни. Каждый божественный миг жизни, каждый звук поющего сердца влияет на мировую историю больше, чем те «великие» события, хозяйства и политики, которые совершаются в плоском и жестоком плане земного существования и назначение которых нередко состоит в том, чтобы люди поняли их пошлость и обреченность...»

*Иван Ильин
«Поющее сердце. Книга тихих созерцаний»*

возведенный в правило: работа часто впроголодь, шуточные приговорки типа «ни слова о еде, только о работе!», сон на полу, минимум удобств и потребностей — «единое на потребу». Как говаривал один наш студент, «мне бабушек, побольше и постарше!» В этом предпочтении в качестве информаторов, рассказчиков людей старшего поколения, которых их собственные дети и внуки «не слушают» и подчас воспринимают как «скорбных умом», проявляется еще один национальный архетип — христианское почтение к старикам.

При рассмотрении особенностей экспедиционной работы возникает аналогия с внутренним устройством рабочих артелей, страннических групп: то же требование соблюдения субординации (иерархии) — послушание руководителю, на котором лежит особая ответственность за успех всего предприятия, за благополучие и здоровье каждого участника. А принятый кодекс поведения группы на записи — умение слушать, не задавать лишних, тем более бестактных вопросов, не показывать свое «всезнание». И главная заповедь фольклориста: «Мы пришли учиться, а не учить». Не всякий выдерживает это послушничество. Экспедиция мгновенно выявляет лишних людей. А если уж ты прошел эту проверку — тогда тебя ждут и счастье, слезы радости от встреч и услышанных песен, и горечь расставаний, и пожелания удачи, и материнские благословения, и молитвы в дорогу ставших в одночасье родными и близкими людей... Тогда не покидает ощущение причастности чему-то великому — наверное, человеческому братству... «Дух веет, где хочет...»

*Нина Артеменко,
старший преподаватель факультета музыки РГПУ им. А.И. Герцена,
художественный руководитель фольклорного ансамбля «ДОМОСТРОЙ»*

ХРАМ ВОСКРЕСЕНИЯ ХРИСТОВА У ВАРШАВСКОГО ВОКЗАЛА

Х

отя Варшавский вокзал уже давно не вокзал, стоящий рядом с ним величественный собор Воскресения Христова по-прежнему продолжают называть «храмом у Варшавского вокзала».

Он был заложен в 1904 году в память десятилетия бракосочетания Николая Александровича и Александры Феодоровны. Постройка была осуществлена силами Всероссийского Александро-Невского братства трезвости по проекту Германа Давидовича Грима и по молитвам святого Иоанна Кронштадтского.

Кварталы близ Варшавского вокзала в то время были рабочими окраинами Петербурга, и жившие здесь люди остро нуждались в храме и живой проповеди.

Поэтому первая деревянная церковь на этом месте была сооружена по проекту Сергея Петровича Кондратьева в 1894 году в рекордные даже для нынешнего времени сроки — за три с половиной месяца. Ее строительство было осуществлено Обществом трезвости в духе религиозно-нравственного православного просвещения, возглавляемого будущим священномучеником протоиереем Философом Орнатским. В 1897 году рядом с церковью был построен церковный дом по проекту Густава фон Голи.

Для рабочих близлежащих фабрик Воскресенская церковь стала центром народного просвещения. Вечернюю службу здесь начинали позже, с учетом того, что рабочий день на фабриках и заводах заканчивался не раньше семи часов вечера. Прихожане знали, что даже если они не успеют на службу, то обязательно попадут на духовную беседу.

Библиотека духовной литературы, издание литературы и журналов (в том числе знаменитый «Отдых христианина»), регулярные духовные беседы, просмотры «туманных картин» с помощью «волшебного фонаря» (демонстрация диапозитивов) — вот та нива, на которой трудились члены Общества просвещения.

В том же 1897 году в храме начал служить 23-летний священник Александр Рождественский, чьим попечением через год при Воскресенской церкви было открыто Александро-Невское общество трезвости. Он прожил недолгую, но яркую жизнь, скончавшись в возрасте 32-х лет 5 июля 1905 года, оставив после себя более 70-ти тысяч исцеленных от недуга пьянства. Недаром его называли народным печальником и апостолом трезвости.

Существующая деревянная церковь уже не вмещала всех желающих, поэтому в последние годы жизни отца Александра постоянно занимала мысль о постройке большого каменного храма. И, наконец, величественный каменный собор во имя Воскресения Христова был освящен митрополитом Антонием (Вадковским) в 1908 году, окончательная отделка храма была завершена в 1914 году.

Через три года в силу известных событий только что родившийся храм начал свой крестный

Столярная мастерская в церковном доме храма Воскресения Христова. Учащиеся за работой. Фото 1909 года. Карл Булла

путь. В августе 1918 года была национализирована типография Общества просвещения, власти прилагали все усилия для того, чтобы расколоть общину. Настоятель храма отец Евгений Лукин отказывается идти на компромисс с обновленчеством, чем навлекает на себя гнев властей. В 1923 году в храм был назначен новый настоятель из обновленцев, а все прежние священнослужители и члены приходского совета — изгнаны. В том же году принадлежащая храму стеклянная часовня у вокзала была разобрана, а на ее месте после Великой Отечественной войны установлен памятник Ленину. В 1930 году храм был окончательно закрыт и превращен в склад. От полного уничтожения собор спасла его непосредственная близость с вокзалом — сносить храм было рискованно.

Возрождение храма Воскресения Христова началось в 1989 году, когда храм был возвращен верующим. На Пасху 1990 года была совершена первая Литургия. Настоятелем храма стал ныне покойный протоиерей Стефан Дышма. В июне 2003 года настоятелем собора был назначен архимандрит Сергей (Стуров).

На трех алтарных куполах и четырех главках собора силами высотников компании «Лапин Энтерпрайз» были установлены кресты. С ее же помощью были установлены два больших панникадила и леса для осуществления расчистки живописи в приделе Царственных Мучеников. Реставрация храма сложна и пока еще далека от завершения. Предстоит полностью восстановить иконостас и настенную живопись. Как известно, отреставрировать разрушенный храм гораздо сложнее, чем построить новый.

Андрей Балканский

Рубрика выходит при поддержке реставрационной компании «Лапин Энтерпрайз»

«СЛОВО БОЖИЕ В ЖИЗНИ ЦЕРКВИ И ПРАВОСЛАВНОГО ХРИСТИАНИНА»

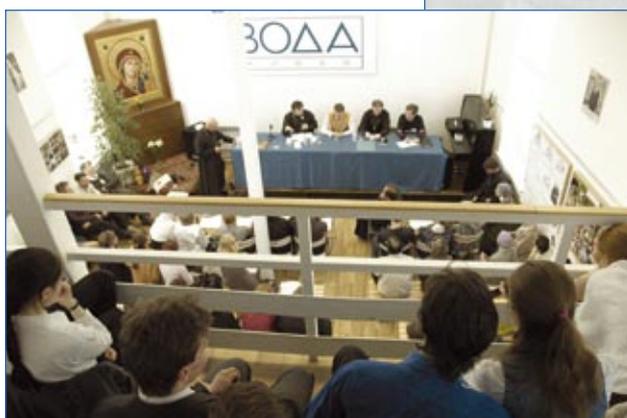
Фото: Станислав Марченко

КОНФЕРЕНЦИЯ В ПРАВОСЛАВНОМ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОМ ЦЕНТРЕ ПРИ ХРАМЕ ФЕОДОРОВСКОЙ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ

13 июня 2008 года

Материалы см. в разделе LINGUA SACRA

СЛОВО БОЖИЕ И ЛИТУРГИЯ СЛОВА

Место Священного Писания в богослужении Церкви

Священник Владимир Хулап

Кандидат богословия,
референт Санкт-Петербургского филиала ОВЦС МП

Некто остроумно заметил, что в Церкви есть книги «читаемые» и «почитаемые» — к сожалению, Евангелие для многих относится к числу последних. Ученик одной воскресной школы на вопрос о том, какую роль играет Библия в православном богослужении, бесхитростно ответил: «Мы прикладываемся к Евангелию на Всенощном бдении, а еще батюшка возлагает его на голову во время молебна». К счастью, богослуженное употребление Священного Писания этим не исчерпывается. Без преувеличения можно сказать, что все православное богослужение проникнуто духом Писания, и первая часть Божественной литургии, Литургия Слова, являет нам яркий пример этого.

ДИАЛОГ НЕБА И ЗЕМЛИ

Богослужение — это встреча между Богом и Его Церковью, небесный призыв к ней Господа и ее земной ответ на Его спасительный голос. Поскольку важнейшим способом личностной, осознанной коммуникации является слово, то вполне понятно, что в христианстве слово благовестия (откровение Бога) и слово молитвы (ответ человека) являются существенными богослуженными элементами. Однако слово служит здесь не просто для передачи информации. Оно действительно есть со-общение, то есть глубинная причастность: Слово Христа открывает сущность Бога, позволяет нам стать участниками богослуженного диалога и литургического богообщения. Мы встречаемся со Христом не только вкушая Его Тело и Кровь, но и в откровении Его спасительного Слова — в чтении Священного Писания. Именно поэтому единственная книга, которая находится на престоле — это не служебник, типикон или минея, но Евангелие, видимым образом представляющее нам воплощенное Слово Божие — Господа нашего Иисуса Христа. В свою очередь, ответ Церкви,

большинство наших молитвенных текстов либо взято из Библии (прежде всего это псалмы), либо вдохновлено ею.

Неудивительно, что изначальное место формирования канона Нового Завета — это христианское богослуженное собрание. Хотя Христос, живое Слово Божие, не оставляет нам записанного слова, человеческое свидетельство о Нем — евангельские повествования и апостольские послания, возникающие для научения и наставления в вере христианских общин, — изначально читались именно в их среде. Тем самым весь Новый Завет по своей сути представляет собой литургическую, богослуженную книгу. Однако слово Писания, которое «живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого, проникающее до разделения души и духа» (Евр. 4, 12) обращается и к каждому члену общины, нередко кардинальным образом изменяя жизнь людей. Характерен пример преподобного Антония Великого, который услышал в храме евангельское чтение «если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною» (Мф. 19, 21), ушел в пустыню и стал родоначальником отшельнического образа жизни.

ЕВХАРИСТИЯ СЛОВА

Между Литургией Слова и Литургией Евхаристии существует теснейшая связь, неизвестная ни иудаизму, ни языческим религиям. Языческие храмы были небольшими культовыми помещениями, предназначенными для принесения жертвы, куда «миряне» обычно не имели доступа. Религиозное наставление, если оно и осуществлялось, происходило в других местах. Жертвоприношение в Иерусалимском храме также не подразумевало богослуженных чтений и наставления народа, которые обычно происходили либо в притворе храма, либо в синагоге. Субботнее синагогальное

богослужение состояло из чтения Закона, пророков, проповеди и молитв. Пятикнижие здесь читалось по порядку, с начала и до конца, хотя продолжительность этого цикла была неодинаковой: в Палестине его прочитывали в течение трех лет (с делением на 154 отрывка), в Вавилоне — за год (54 чтения). Пророческий текст выбирался свободно, по возможности в смысловом соответствии с первым чтением.

Однако уже в одном из древнейших христианских свидетельствах о Евхаристии, принадлежащих святому Иустину Философу (III век Р.Х.), мы видим теснейшую и неразрывную связь, двухчастное единство Благовестия и Жертвы: «В так называемый день солнца бывает у нас собрание в одно место всех живущих по городам и селам. И читаются, сколько позволяет время, сказания апостолов или писания пророков. Потом, когда чтец перестанет, предстоятель посредством слова делает наставление. Затем все вообще встаем и воссылаем молитвы. Когда же окончим молитву, тогда... приносится хлеб и вино, и вода. И предстоятель также воссылает молитвы и благодарения, сколько он может. Народ выражает свое согласие словом «аминь», и бывает раздаяние каждому и приобщение Даров... а к небывшим они посылаются через диаконов». Очевидно, Литургия Слова должна подготовить почву веры, чтобы на ней возрос плод Евхаристии. Принять Тело и Кровь Христа могут лишь те, кто в слышании Его Слова и верности ему подготовился к этому принятию. Другое ее название, «Литургия оглашенных», указывает на то, что весь древнехристианский катехуменат, то есть период подготовки ко крещению, по сути является продолжительной (двух- или трехлетней) Литургией Слова, за которой следовало вхождение в Церковь новых членов через Крещение, Миропомазание и первое Причастие.

ФОРМА И СОДЕРЖАНИЕ

Само начало Литургии в древности ясно подчеркивало идею приоритета Слова Божия над всяким человеческим словом. В IV веке на Востоке оно выглядело следующим образом: епископ в сопровождении клириков (диакон нес Евангелие) и процессии со свечами и кадильницами входил в храм (это — истоки нашего Малого входа на Литургии). Он приветствовал народ словами «Мир всем», на что присутствующие отвечали «И духови твоему» (до сих пор это первое благословение в нашей Литургии перед чтением Апостола), после чего он восходил на кафедру, а священники и народ садились. После этого начиналось чтение Писания, открывавшее богослужение. Не человеческий голос, но голос Бога, собирающего Свою Церковь (греч. «эклесия», то есть собрание, общество созванных), звучал первым. Это — Его инициатива, поэтому именно Ему, а не нам, предоставлено право первого голоса в Его доме, мы же должны услышать этот голос перед тем, как мы в свою очередь обратимся к Нему в молитве. Ряд дру-

гих литургических элементов, появившихся в ту эпоху, должен был еще рельефнее подчеркнуть эту мысль, показав, что звучат не просто исторические или литературные памятники, но живой голос живого Бога.

Чтению предшествовал призыв слушателей к вниманию. Если сейчас возглас «вонмем» скорее является формальностью, то согласно Иоанну Златоусту, в его время он действительно призывал к спокойствию довольно шумную общину Антиохии. Самое чтение оформлялось особыми литургическими рамками: называлась книга, из которой читали отрывки, чтению предшествовало особое начало, указывающее на историю спасения («так говорит Господь», «во время оно», «рече Господь своим ученикам» и так далее), и заключительная формула («Слава Тебе Боже наш, слава Тебе», «Благодать и мир с вами. Аминь», «Слово Божие росло и распространилось» (Деян. 12, 24), «Кто не любит Господа нашего Иисуса Христа, да будет анфаема» (1 Кор. 16, 22), «Имеющий уши слышать, да слышит!» (Мк. 4, 23), «чтением Евангелия изглаживаются наши прегрешения» и др.). Такой ответ народа был знаком того, что Слово Бога не исчезло в пустоте, это было своего рода эхо, подтверждение его слышания и восприятия.

Для чтения выделялись особые служители, чтецы или диаконы, отдававшие свой голос на служение Богу и поэтому носившие богослужбное облачение, видимо выделявшее их из числа остальных верующих. В Риме чтецами нередко были дети, поскольку детская невинность рассматривалась как подобающая благовестию Слова Божия. Однако Евангелие ввиду его возвышенного характера нередко читал сам священник или епископ (что мы видим на пасхальной вечерне, в Иерусалиме IV—V веков епископ читал Евангелие каждое воскресенье), причем все присутствующие слушали его стоя. С точки зрения акустики было совершенно логично, что читающий обращался лицом к слушателям с возвышенного места, что мы видим уже в Ветхом Завете («книжник Ездра стоял на деревянном возвышении» Неем. 8, 4). Мы неоднократно встречаем в памятниках III—IV века упоминание «амвона» (от греч. ἀναβαίνειν «восходить», «подниматься»), который находился либо в центре храма (нынешняя архиерейская кафедра), либо там, где алтарь переходил в центральную часть храма.

Чтение Священного Писания было стилизовано — его декламировали или читали нараспев, что также отличало его от повседневной человеческой речи. Почитание Евангелия выражалось в его богатом оформлении миниатюрами, киноварью, особыми шрифтами и так далее. Уже в IV веке мы встречаем молитву перед Евангелием о чистоте сердца, правильном понимании и истолковании Писания. Благовестию Евангелия предшествовала торжественная процессия, до сих пор сохраняющаяся в нашем архиерейском богослужении. Император Константин даровал в IV веке христианским епископам право ношения

перед ними светильников и кадильниц (подобно высшим чиновникам римского государства), что было перенесено и на процессию с Евангелием, в которой торжественно праздновалось пришествие Богочеловека к собравшейся общине. Блаженный Иероним (V век) свидетельствует о том, что во всех церквях Востока при чтении Евангелия зажигали светильники, даже если был яркий солнечный день, тем самым выражая радость о Христе — истинном Свете мира.

ПРАВИЛЬНЫЙ ВЫБОР

В отношении числа чтений на Литургии в древности существовала огромная вариативность, однако общее правило гласило: последнее чтение всегда должно было быть из Евангелия. Хотя в новозаветном каноне оно находится на первом месте, Церковь предлагала верующим восходящий по значимости порядок чтения. Сейчас наша византийская Литургия имеет два чтения:

апостольское и евангельское, однако до VII века к ним всегда добавлялось еще одно ветхозаветное, и такая традиция существовала во многих других церковных областях: Испании, Галлии, Риме, Милане (в Сирии некоторое время сохранялась синагогальная практика двух ветхозаветных чтений — закон и пророки). В большие праздники (канун Рождества Христова, Богоявления и в Великую Субботу) на Литургии мы тоже слышим ветхозаветные чтения, причем, согласно древним типиконам, Трисвятое пелось перед последним пророчеством, которое являлось уже частью Литургии, а не вечерни. Все ветхозаветные чтения на большие праздники являются пророчествами, приготовляющими чтения новозаветные, и тем самым показывают, что Ветхий Завет обретает для христиан полноту своего смысла именно в жизни, смерти и воскресении Христа. Иногда в число чтений включались и небиблейские тексты: акты мучеников, постановления соборов и так далее, однако ввиду того, что они не имели богооткровенного характера, подобная практика существовала не слишком долго.

Подобно ветхозаветной традиции, христианская Церковь также знала практику непрерывного чтения текста той или иной книги, прерываемого только особыми тематическими чтениями на праздники. Святоотеческие проповеди показывают, что чтение начиналось с того места, где оно заканчивалось в предыдущий раз, причем предстоятель обычно сам выбирал длину читаемого отрывка. Первые свидетельства о фиксированном круге чтения появляются на Востоке лишь в V веке, на Западе — в VII—VIII веке, однако основные принципы богослужебного чтения Священного Писания — постоянство, последовательность и повторяемость — остаются основополагающими до сих пор, причем ими же может руководствоваться каждый верующий и в своем личном чтении Библии. Уже в синагоге после чтения на иврите следовал перевод-комментарий на арамейском языке. Подобным образом в Иерусалиме V века после греческого текста нередко звучал сирийский, два чтения было и у коптов — на коптском, а затем на арабском, а в одном древнем сборнике молитв IV века содержится молитва «о чтецах и переводчиках». Христианские переводы Священного Писания — сирийский текст Пешито или латинская Вульгата — также возникли в богослужебном контексте, чтобы донести до верующих богослужебный текст на понятном им языке.

ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС

Прочитанное Священное Писание должно актуализироваться, поскольку вечное слово Бога обращается к конкретным людям, находящимся в тех или иных исторических обстоятельствах. Это означает необходимость его истолкования, проповеди. Сегодня она может показаться многим своего рода «вставкой» в ход Литургии, не имеющей к ней никакого прямого отношения, однако в древности ее роль была совершенно иной. Мы

видим, что Сам Господь использовал рамки синагогального богослужения для проповеди Царства Божия (напр., в Назарете Лк. 4, 16-22 и Капернауме Мк. 1, 21). Из книги Деяний мы видим, что точно так же поступал апостол Павел, произнося там «слово наставления к народу» (Деян. 13, 15). Поэтому совершенно естественно, что с самых древних времен проповедь стала неотъемлемой составляющей евхаристического собрания, важнейшей обязанностью предстоятеля — епископа или священника. Проповедь обычно была толкованием на библейский текст, поэтому в древней Церкви она следовала сразу же за чтениями, то есть являлась именно литургическим элементом. Подобно тому как предстоятель преломляет Тело Христово, чтобы преподать его верным, он преломлял и Его Слово, питая им души членов своей общины. Более того, в IV веке на Востоке существовал обычай: если на Литургии присутствовало несколько священников, то после чтений каждый из них мог сказать слово, после всех обычно говорил сам епископ: «пресвитеры, поодиночке, а не все сразу, пусть увещевают народ, а после всех их — епископ, который подобен кормчему («Апостольские Постановления», V век). А во время появления ереси Ария священникам в Александрии пришлось запретить проповедь, чтобы предотвратить распространение лжеучения.

Епископ чаще всего проповедовал, сидя на кафедре, как это делал Христос в синагоге (Лк. 4, 20). Поскольку кафедра находилась в апсиде, это обеспечивало хорошую акустику; с другой стороны, в древней Церкви считалось, что непрерывная проповедь с одной и той же кафедры служит, в числе прочего, сохранению апостольского преемства. В Египте в продолжение всей проповеди епископ держал в руках Евангелие в знак того, что он говорит именно о нем, а не о чем-то другом. Все дошедшие до нас святоотеческие толкования на Священное Писание (святителя Иоанна Златоуста, блаженного Августина и других) — это не просто «академические» комментарии, созданные за письменным столом, но стенограмма их живой речи, богослужебных проповедей. Они чаще всего были не просто научением, но и мистагогией, тайноводством, введением в совершаемое в христианском собрании Таинство единства между Богом и человеком. Продолжительность проповеди была разная, некоторые проповеди святого Иоанна Златоуста могли длиться до двух часов!

БИБЛЕЙСКАЯ МОЛИТВА

Когда в византийской Литургии было три чтения, в промежутках между ними пелись респонсорные псалмы: между пророческим и апостольским чтением — прокимен (греч. «предшествующий»), а между Апостолом и Евангелием — аллилуарий. Певец пел один стих из псалма, который за ним повторял весь народ. Затем пелись остальные стихи этого же псалма, после каждого народ повторял тот же самый первый стих. Тем самым народ активно участвовал в богослужении и, по-

скольку книг у большинства верующих обычно не было, они (в том числе и необразованные) имели возможность учиться библейским текстам. Псалом обычно выбирал сам предстоятель, причем даже длинные тексты пели без сокращений (постепенно они уменьшились до нынешних трех стихов). Распеваемым стихом было либо начало псалма, либо самое важное из него место.

Практика респонсорного пения существовала уже в ветхозаветную эпоху: в Псалтири есть псалмы с повторяемой частью (например «Яко в век милость его»), которую народ под управлением левитов пел в Иерусалимском храме. Мы также нередко встречаем псалмы с припевом «аллилуйя». В синагогальном богослужении было особое молитвословие «галлел» — предстоятель запевал «аллилуйя», а община повторяла его, отвечая на стихи избранных псалмов. Такая же практика существовала чтению Евангелия во время христианской Литургии, однако пение «аллилуйя» здесь обращено ко Христу как к эсхатологическому Владыке, приходящему в Своем Слове в Свою общину. Согласно Откр. 19, 6-7 именно «аллилуйя» воспевают на эсхатологическом браке Агнца, предвосхищением которого является каждая Евхаристия, открывающая нам дверь в Царство Божие. «Аллилуйя» предшествовало чтению Евангелия практически во всех церковных областях, за исключением мазарабской Литургии, где оно следовало за ним, что интересно толкует Исидор Севильский: наша жизнь после чтения Евангелия должна стать всецелым славословием Бога.

Все эти элементы в той или иной форме сохраняются в нашем богослужении до сих пор. Православный христианин может не быть специалистом в области библеистики, догматического богословия или церковной истории. Однако каждую неделю он приходит в храм, где во время самого главного богослужения, Божественной литургии, он слышит Слово Божие. Литургически Церковь продолжает говорить нам: Бог хочет, чтобы Его Слово, согласно притче о сеятеле, пустило корни в нашем сердце, выросло и принесло плод как в нашей жизни, так и в жизни окружающих нас людей. У святого Иоанна Златоуста есть прекрасная молитва о том, чтобы Господь дал нам понимание этого Слова: «Господи, Иисусе Христе, отверзи мои очи сердечные, чтобы услышать слово Твое и понять, и творить волю Твою. Ибо странник я на земле; не скрой от меня заповедей Твоих. Но открой очи мои, да уразумею чудеса от закона Твоего: скажи мне безвестное и тайное премудрости Твоей. На Тебя уповаю, Боже мой, да просветишь ум мой светом разума Твоего, чтобы не только читать написанное, но и творить его. Да не в грех себе прочту слова эти, но в обновление, просвещение, и в святую, в спасение души и в наследие жизни вечной. Ибо Ты просвещаешь лежащих во тьме». Пусть же Литургия Слова станет непрекращающимся Таинством встречи с Богом и Его Словом для каждого из нас.

СЛОВО БОЖИЕ И МОЛИТВА

СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ХРИСТИАНИНА

Священник Димитрий Сизоненко
Клирик собора Феодоровской иконы Божией Матери

В книге Деяний об успехе проповеди апостолов сообщается такими словами: «И слово Божие росло, и число учеников весьма умножилось в Иерусалиме; и из священников очень многие покорились вере» (Деян. 6, 7). В последние годы в наших приходах все сильнее ощущается потребность в чтении Библии. Если мы хотим, чтобы Слово Божие «разрасталось», совершая свое победное шествие, покоряя вере сердца людей нашего времени, обратимся к опыту Отцов Церкви.

В житиях святых мы находим множество повествований о том, как Священное Писание становится школой молитвы, школой жизни и подлинным опытом духовного общения с Богом. Слово Божие взывает, влечет к себе, направляет мысль, преобразует чувства и саму жизнь.

Церковь во все времена жива Словом Божиим прежде всего в богослужении. Для первых поколений христиан такие выражения, как «Тело Христово есть разумение Слова Божия» или «насыщаться Телом и Кровью Христа не только в таинствах Престола, но и в чтении Слова» были не просто красивой метафорой, а реальностью их жизни.

К сожалению, мы нередко сталкиваемся с недоверчивым отношением к чтению Библии дома. Достаточно широко распространены предрассудки, будто келейное чтение Священного Писания вообще чуждо православной традиции. С другой стороны, среди нас не так много образованных людей, которые могли бы пробудить в своих собратьях живой интерес к Слову. Без этого вера оказывается отрезанной от своих корней, а Благовестие Христово легко можно свести к сумме нравственных предписаний, православную веру — к определенному укладу жизни.

Недаром еще на заре христианства блаженный Августин сказал: «Писание делает христианина». По мере того как оно звучит и встречает живой

отклик в сердцах людей, Слово просвещает, испытывает, преобразует, силой Святого Духа оно способно воссоздавать в человеке искаженный грехом образ Божий. Вместе с тем оно становится ядром, вокруг которого постепенно собирается воедино Церковь. Сама община верующих становится неким необходимым пространством, в котором Слово Божие становится словом жизни.

Духовную традицию молитвенного чтения Священного Писания невозможно понять, не обращаясь к опыту древних подвижников. Поэтому, начиная разговор, обратимся к истории преподобного Антония Великого. Однажды юноша вошел в деревенскую церковь. Как известно, он был воспитан в благочестивой семье, с детства имел обыкновение слушать и слышать Священное Писание, то есть, говоря современным языком, был воцерковленным человеком. В тот день за богослужением прозвучали слова Спасителя, которые перевернули его жизнь: «Если хочешь быть совершенным, иди, продай все свое имение, раздай бедным и приходи, следуй за мной. И у тебя будет сокровище на небе» (Мф. 19, 21). Несомненно, он и прежде не раз слышал эти слова, но в этот момент он услышал их именно как зов, обращенный лично к нему. В ответ он распродал родительское имущество и раздал все бедным, оставляя только то, что было необходимо для воспитания младшей сестры, которая осталась на его попечении.

Некоторое время спустя за богослужением он услышал, как Господь говорит: «Не заботьтесь о завтрашнем дне» (Мф. 6, 34). Он ни на минуту не задержался в храме, пошел домой и оставшееся имение раздал нуждающимся, сестру оставил на попечении девической общины, а себя решил посвятить подвижнической жизни под духовным окормлением аскетов, которые жили в окрестностях.

В его житии рассказывается: «Он жил трудами своих рук, ибо однажды услышал: «Если кто не

хочет трудиться, тот и не ешь» (2 Фес. 3, 10). Он молился непрестанно, усвоив, что надлежит молиться непрестанно... Он был настолько внимателен к читаемому, что ни одно Слово Писания не падало у него на землю, но все удерживал он в себе; почему, наконец, память заменила ему книги».

Этот рассказ свидетельствует о том, что для первых поколений христиан Евангелие было не просто книгой, а книгой жизни. Изумительным образом это же иллюстрирует история другого святого. Преподобный Пахомий Великий, основатель общежительного монашества, происходил из языческой семьи. Его обращение также совершилось через Слово Божие, только это было Слово, истолкованное и воплощенное в жизни конкретных христиан. Юношей он был рекрутирован в армию императора Константина и на корабле отправлен в Александрию. По дороге вместе со всеми рекрутами он оказался в тюрьме, где произошла его первая встреча со Христом. Это случилось благодаря встрече с христианами местной общины, которые по заповеди Спасителя приносили заключенным пищу и питье.

Слово Божие занимало центральное место в воспитании монахов. Большинство учеников преподобного Пахомия в прошлом были неграмотными крестьянами из языческих семей, никакой предварительной богословской подготовки у них не было. Прежде всего будущим монахам надлежало освоить грамоту, чтобы читать Писания, ибо в монастыре каждый должен был знать на память как минимум Новый Завет и Псалтирь. После того как Писания выучены наизусть, они становятся предметом непрерывного размышления в течение всего дня и очень часто в часы ночных бдений. Это совершалось как в уединении, так и в собрании братии.

В монашеской традиции чтение было именно размышлением, иначе говоря, медитацией. Как известно, в древности любое чтение было чтением вслух. Блаженный Августин в «Исповеди» рассказывает, с каким изумлением он впервые увидел человека, читавшего про себя. Этим человеком был святой Амвросий Медиоланский. Чтение про себя для нас является обычной практикой, а в древности казалось чем-то невероятным...

Чтение вслух естественным образом становилось медитацией — недаром в латинском языке слова «медитация» и «пережевывание» являются синонимами. В Библии встречаются выразительные образы чтения-вкушения, пережевывания Слова Божия и языком, и разумом, отчего воспламеняется сердце и возгораются мысли (Пс. 38, 4). Так, молитвенное чтение становилось не просто словесной молитвой вслух, а живым соприкосновением с Богом через Его Слово. Это и было тем постоянным вниманием, о котором говорится в житии преподобного Антония Великого, это и было непрестанной монашеской молитвой.

Само слово «чтение» первоначально было не столько обозначением определенного рода занятий, сколько синонимом слова «урок», «на-

ставление». Есть несколько удивительных историй из жизни отцов пустыни, в которых мы видим, насколько важным был не сам факт чтения, а именно внимание к смыслу Писания.

В Египте проживал один старец по имени Серапион. С юных лет он жил в бедности, все его имущество состояло в скромном плаще, который он носил на себе, и небольшом Евангелии. Много раз видели как он, сидя у дороги, плакал:

— Господин мой поручил мне Свое богатство. Но я потерял его, и вот Он хочет наказать меня.

Святой говорил притчей, Госудином называя Бога, богатством — душу, созданную по образу Божию. Люди, не понимая сказанного, думали, что старец говорит о золоте; поэтому и кидали ему, кто что мог, кто хлеб, кто овощи, и говорили:

— Возьми, брат, хотя бы это; о богатстве же, которое ты потерял, не скорби, ибо может Бог вернуть тебе его.

А старец отвечал:

— Аминь! Аминь!

Однажды авва Серапион встретил нищего, совершенно нагого, дрожавшего от холода. Он тут же снял с себя плащ и отдал его нищему, а сам сел нагой близ этого места, держа лишь на груди своей святое Евангелие, с которым никогда не расставался.

Некто, знавший старца, спросил:

— Отец Серапион! Кто обнажил наготу твою?

Он, показывая на святое Евангелие, ответил:

— Вот это открыло наготу мою.

Потом блаженный встретил человека, которого за долги вели в темницу. Пожалев его, преподобный продал Евангелие и уплатил долг этого человека. Ученик преподобного спросил его:

— А малое Евангелие твое где?

Старец ответил:

— Чадо, оно каждой день говорило мне: «Продай имущество твое и раздай нищим» (Мф. 19, 21), чтобы приобрести его в день судный. Я послушал его и сделал так, как оно советовало мне. Я продал его и вырученные деньги отдал нуждающемуся, дабы приобрести себе милость у Бога нашего, Иисуса Христа, за то, что я послушал Его святое Евангелие.

В древности под чтением подразумевался не какой-то вид интеллектуальной деятельности, а внимание к наставлению или уроку. Для первых поколений подвижников Священное Писание было единственным уставом их монашеского жития.

Несколько братьев подошли к авве Антонию и попросили «слова». Он ответил им следующее: «К научению достаточно и Писаний». Тогда кто-то из них спросил: «Что я должен сделать, чтобы угодить Богу?» Старец ответил: «Исполни то, что я тебе повелю. Куда бы ты ни пошел, всегда имей Бога перед глазами, что бы ты ни делал — поступай по слову Писаний».

Во-первых, братья не ищут красивых слов или абстрактных истин. Их вопросы столь же конкретны, как и вопрос богатого юноши в Евангелии: «Что я должен сделать, чтобы угодить Богу?». Вообще слова «угодить» и «угодник» часто

Иисус Христос и авва Мина, икона VII века из коптского монастыря Боит. Париж, Лувр.

Христос кладет руку на плечо монаха (ср. Пс. 138, 5), сопровождая и покровительствуя ему на путях постижения Слова Божия. Авва держит в руках свиток, символизирующий его роль наставника монахов. Христос держит в левой руке Евангелие, украшенное жемчугом и геммами в византийском стиле.

встречаются в житиях святых. В ответ авва Антоний излагает ученикам свое понимание непрестанной молитвы: угодить Богу можно тем, что Он всегда будет перед твоими глазами, что каждый момент своей жизни ты проживаешь в Божием присутствии, непрестанно размышляя над Его Словом. Кроме того, надлежит учиться во всем руководствоваться словом Писаний. Для отцов важным было не столько читать Библию, сколько жить ею. Разумеется, для этого ее надо было знать, и христиане познавали Писания, слушая их прежде всего на евхаристических собраниях, запоминавая наизусть, «пережевывая» заученное в течение дня. Лишь у немногих в кельях были рукописи, которые они могли читать наедине.

Из приведенных историй видно, что святые отцы никогда не понимали Священное Писание абстрактно, рационально. Их толкования существовали не в виде многотомных ученых комментариев, а в виде поступков, обстоятельств жизни, наконец, в виде святости, которую человек стяжает в непрекращающемся диалоге со Словом Божиим. У отцов не было никаких ме-

тодик — в пустыне слова Писаний непрестанно истолковывались самой жизнью. Человек Божий, впитывая их в себя, становился «живыми письмами», которыми Дух Божий питает уже «не на скрижалях каменных, но на плотных скрижалях сердца» (2 Кор. 3, 2-3).

В свете этих слов хотелось бы вернуться к упомянутой апофтегме.

Братья остались не удовлетворены ответом аввы Антония и сказали: «Отче, но мы хотим еще услышать твое личное слово». Тогда Антоний ответил:

— Евангелие говорит: если кто ударит тебя по правой щеке, подставь левую.

Они сказали:

— Мы не готовы так поступать.

Старец ответил:

— Если вы не можете подставить другую, тогда хотя бы сдержите гнев, если вас ударят по одной щеке.

— Мы и этого не можем.

— Если вы не можете даже этого, то не воздавайте злом за причиненное вам зло.

Они сказали:

— Мы и этого не можем.

Тогда старец сказал своему ученику:

— Приготовь им хлебной похлебки, поскольку эти люди немощны. Если вы не можете этого и не хотите, что я могу сделать для вас? Вам нужно молиться.

СЫН АЛЕКСАНДРИЙСКОЙ ЦЕРКВИ

Отношение к Слову Писаний как к правилу жизни было характерным не только для монахов, но и вообще для христиан. Духовные наставления аввы Антония показывают, что первые поколения насельников египетской пустыни были достойными продолжателями духовных традиций Александрийской общины.

Христианство в Александрии зародилось в среде образованной диаспоры, насчитывавшей около миллиона иудеев. Христианская община стала наследницей сокровищ книжной и религиозной культуры александрийского эллинизма, расцвет которой, в частности, был связан с влиянием Оригена. Школа пустыни во многих отношениях стала наследницей традиций его школы: как известно, община Оригена и его учеников жила неким подобием монашеской жизни, которая разворачивалась вокруг Слова Божия. Блаженный Иероним в послании к Марцелле ярко описывает, как у них молитва чередовалась с чтением, а чтение переходило в молитву и ночью, и днем. Не без влияния этих традиций святой Киприан Карфагенский сформулировал знаменитое правило: «Или молись усердно, или читай; в одних случаях говори с Богом, в других — слушай Бога, который говорит с тобой». Эта мысль известна также в виде лаконичной формулы: «Когда молишься, ты говоришь с Богом, когда читаешь, Бог говорит с тобой».

Первоначальное монашество неотделимо от библейских корней. Духоносным монахом почитался тот, кто жил по слову Писаний, кто

был исполнен того же Духа, который вдохновил само Писание. В огласительных беседах говорилось, что человек сотворен по образу Божию, что искаженный грехом образ однажды должен быть восстановлен. Проводя жизнь в слушании Евангелия, человек силой Святого Духа вновь обретает свое подобие Богу. Для этого недостаточно одного только внешнего соблюдения предписаний. Это достигается глубоким стремлением измениться под преображающей силой воздействия Слова Божия.

Благоговейное собеседование души с Богом через постижение Слова Божия отцы называют *совершенной молитвой*. Именно она и была целью их жизни.

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ КРУГ

По мере чтения Писание открывает все новые смыслы. Блаженный Августин это описывает такими словами: «Вчера ты понял немного; сегодня ты понимаешь больше; завтра ты поймешь еще больше: свет самого Бога в тебе становится все сильнее».

Для монахов слова Писаний и поучения старцев превосходят ограниченные пространственно-временные рамки тех обстоятельств, когда они прозвучали в первый раз. Слово Божие открывало им целый мир смыслов, в котором они стремились жить, который должен был стать их миром. Именно так подействовал на святого Антония призыв Спасителя раздать все и следовать за Евангелием (Мф. 19, 21), или увещание: «Солнце да не зайдет во гневе вашем» (Еф. 4, 26) и др. Тайна святости пустынников состояла в том, что истина Слова Божия воплощалась в их конкретной жизни.

Авва Нестерой говорит, что монахи должны с ревностью заучивать наизусть Священное Писание и в мыслях непрестанно повторять их от начала до конца. «Это непрерывное размышление, — говорит он, — приносит двойной плод. Во-первых, предохраняет от дурных помыслов. Во-вторых, непрестанное повторение или размышление приводит к непрекращающемуся духовному обновлению». Авве Нестерою принадлежат восхитительные слова: «При возрастании обновления нашего духа от этого упражнения начнет также обновляться и взгляд на Священное Писание, и с преуспеванием в этом будет некоторым образом преуспевать и красота более сокровенного понимания». В них он опять же указывает на неразрывную связь между исполнением Писаний и способностью их понимать по-новому, более глубоко.

МЕТОДИКА

Писание следует читать в глубокой тишине, медленно, останавливаясь на каждом стихе как можно дольше, чтобы им напитать сердце и ум. Когда все душевные переживания улягутся, можно переходить к следующему стиху. Преподобный Серафим Саровский сказал, что ум христианина должен «плавать» в словах Писаний, воспринимать не только разумом, но и сердцем.

Нередко монахи задерживались на одном стихе до тех пор, пока им не удавалось претворить его в жизнь, то есть исполнить в буквальном значении этого слова. Так, в житии аввы Памво рассказывается, что в начале своего иночества, будучи неграмотным, он пришел к одному из братии, чтоб научиться у него псалмам. Услышав только 1-й стих 38-го псалма («Буду я наблюдать за путями моими, чтобы не согрешать мне языком моим»), он не захотел слушать дальше:

— Довольно мне этого одного стиха, если я научусь исполнять его на деле.

При всем усердии и 19 лет спустя он все еще был не готов продолжить обучение...

Для святых отцов Библия — это не тот текст, который можно изучать умом. Для них познать Слово Божие — это значит претворить его в жизнь, любое другое познание они считали суетным.

РАЗУМЕНИЕ ПИСАНИЙ

Но это вовсе не означает, что они считали, будто к слову Божию не нужно подходить с умом. Монахи, прежде чем слова Писаний применить к себе и своей жизни, стремились понять и его буквальный смысл.

В монастырях аввы Пахомия, например, был обычай дважды или трижды в неделю собираться на своего рода огласительные евангельские встречи. На них сначала настоятель или наместник, а затем и остальные братья делились друг с другом тем, как они понимают те или иные слова Писаний для того, чтобы утвердиться в правильном понимании.

Толкование того или иного трудного места, безусловно, требует напряженной работы ума, но все усилия могут оказаться тщетными без просвещения божественным светом, который мы призываем в молитве «Воссияй в сердцах наших...» Итак, чтению должна предшествовать молитва. Однажды братья попросили авву Антония объяснить им слова из книги Левит. Старец отошел в пустыню и громким голосом воззвал: «Боже, пошли Моисея, и он изъяснит мне эти слова!» В «Отечнике» говорится: «И пришел к нему голос, говоривший с ним»...

Ориген также просил учеников молиться вместе, чтобы стяжать разумение священных книг, чтобы духовно просветиться тем светом, который присутствует в самих словах Писаний.

Филологи хорошо знают, что для истолкования любого другого текста смысл искусственно привносится извне. Напротив же, духовный смысл Священного Писания есть нечто ему изначально присущее, этот смысл необходимо открыть для себя. Божественные истины воплощены в слове Писаний столь же реальным образом, как для Микеланджело в глыбе мрамора была заключена будущая статуя, которую необходимо лишь высвободить.

Преподобный Исаак Сирий наставляет: «Без молитвы не приближайся к словам Писания, преисполненным тайны. В начале скажи Богу:

«Господи, дай мне приобщиться силе, которая содержится в них». Итак, в Библии ищут не нечто отвлеченное, а реальную силу, которая способна преобразить сердце человека. Святитель Григорий Богослов писал:

*Слово Божие — хлеб ангельский,
им же питаются души,
Бога алчущия.*

Непревзойденным образцом молитвенного чтения монахам служили искушения Христа в пустыне, когда вместо того чтобы вступить в спор с лукавым, он буквально закрыл рот искусителя самим Словом Божиим.

Подобным же образом в борьбе с лукавыми помыслами подвижники широко прибегали к силе Слова, повторяя с горячим сердцем отдельные стихи из Священного Писания, которые выбирались в зависимости от состояния духа молящегося. В Православии на этом основана практика Иисусовой молитвы, которая состоит в многократном повторении одного-единственного прошения, взятого из Библии, в котором содержится все, о чем следует просить Бога.

ЧТОБЫ В ВАС ОТОБРАЗИЛИСЬ ЧУВСТВОВАНИЯ ХРИСТА

Это увещание апостола Павла из Послания к Филиппийцам (2, 5) находит живой отклик в духовных поучениях отцов-пустынников.

Авва Исаак, после того как объяснил, какими средствами можно стяжать чистую молитву, объясняет своим братьям: *«Напитанный их пищею постоянной, воспринимая все чувствования псалмов, он начинает воспевать их не как составленные пророком, а как им самим сочиненные, как собственную молитву выражает их с глубоким сокрушением сердца, или, по крайней мере, считает их относящимися к нему и сознает, что изречения их не только исполнились через пророка или на пророке, но над ним ежедневно исполняются».*

И при этом добавляет: *«Ибо тогда Божественные Писания для нас становятся яснее, как бы жилы и мозги их открываются, когда опытность наша не только приобретает, но и предваряет понимание их, и смысл слов раскрывается нам не через изъяснение, а через дела».*

Теперь в свете кратко изложенного учения отцов пустыни хотелось бы обобщить основные принципы молитвенного чтения Священного Писания, которое можно совершать келейно или в небольших группах. Прежде всего важно стремиться к тому, чтобы это было не просто благочестивым упражнением или методикой. Для этого необходимо неторопливое и медитативное чтение, которое совершалось бы не столько умом, сколько сердцем. Оно не преследует никаких практических целей, его единственная «цель» — напитаться Словом Божиим.

Чтение начинается и завершается молитвой. Оно может быть келейным (личным) и коллективным (в приходах, группах). О том, что чтение

в обществе братьев и сестер оказывается чем-то незаменимым, красноречиво свидетельствуют слова Григория Великого: «Многие места Святых Писаний я никогда бы не смог понять в одиночку, но я понял их, читая в присутствии своих братьев. Я убедился, что именно благодаря им мне было дано познание и понимание Слова».

КАМНИ ПРЕТКНОВЕНИЯ НА ПУТИ

В связи со всем выше сказанным хотелось бы указать на некоторые подводные камни, которые встречаются в практике молитвенного чтения Священного Писания.

Всегда существует риск того, что молитвенное чтение легко может превратиться в своего рода упражнение для ума. Пусть те полчаса или час времени, которые вы находите для благодатного слушания Слова Божия, позволят приобщиться непрестанной молитве и познанию неизменного присутствия Бога по ту сторону суеты повседневной жизни.

Укажем также и на другие камни преткновения. Серьезную опасность представляет собой искушение фундаментализма, который под самыми благовидными предлогами препятствует пониманию буквального смысла Писаний. Чтение Священного Писания требует серьезной работы ума и сердца, в которой изучение богословия, истории, археологии, древних и новых языков сочетается бы с терпеливым слушанием Слова Божия под водительством Святого Духа. Нередко мы можем видеть попытки подменить этот труд слепыми ссылками на общепризнанные авторитеты.

Другим камнем преткновения является искушение ложной духоносности, когда словом Писаний начинают манипулировать для подтверждения каких-то субъективных суждений или использовать его как повод для рассуждений на посторонние темы. Наконец, существует соблазн сухого буквализма, когда ум постепенно поглощается скрупулезным изучением буквы Писаний, не погружаясь в их смысл, не интересуясь личностью Христа.

Сегодня можно констатировать, что убежденные верующие представляют собой своего рода «диаспору», меньшинство, которое находится в окружении безразличия, суеверий, пестроты религиозных традиций, всеобщего непостоянства взглядов. Именно поэтому духовная жизнь и молитва как никогда должны питаться Словом Божиим, чтобы само наше бытие в этом мире становилось живой экзегезой Писания, чтобы через нас Слово Божие становилось реальностью человеческой истории.

Итак, молитесь за нас, братия, чтобы слово Господне распространялось и прославлялось, как и у вас, и чтобы нам избавиться от беспорядочных и лукавых людей, ибо не во всех вера. Но верен Господь, Который утверждает вас и сохранит от лукавого (2 Фес. 3, 1-3).

«РАЗУМЕЕШЬ ЛИ, ЧТО ЧИТАЕШЬ?»

Эти слова апостола Филиппа, обращенные к эфиопскому евнуху (Деян. 8, 30), затрагивают важную тему понимания верующими Священного Писания. Мы неизбежно пропускаем его сквозь призму нашего жизненного опыта, культуры, мировосприятия и т.д. Какова же роль церковной традиции и нашей личности в прочтении Библии? Как Церковь предлагает нам понимать Писание? Должны ли мы абсолютно отказаться от нашего личного мнения или, напротив, стопроцентно доверять только ему? Об этом и многом другом размышляли участники круглого стола, прошедшего под эгидой «Воды живой» 13 июня 2008 г. в рамках конференции «Слово Божие в жизни Церкви и православного христианина».

**Иерей
Максим
Фионин**

На чем мы основываемся, когда читаем текст Священного Писания? Во-первых, конечно же, православный христианин соотносит свое прочтение с опытом Церкви. Каким образом он выражается? Это творения святых отцов, авторитетных для нас пастырей, к чему добавляется герменевтика — соображения, наблюдения, которые у нас рождаются или, возможно, открываются в процессе прочтения текста. Часто общаясь с прихожанами и задавая им вопросы о понимании Библии, я ни разу не слышал, что важно иметь хотя бы какие-то представления о языке, на котором был написан этот текст, иметь какие-то представления об эпохе и культуре, в среде которых он возник: зачем нам все это знать, если Духом все нам откроется? Зачем нам читать какие-то

филологические исследования, если нам все дано в молитве, если у нас есть авторитетное толкование отцов и так далее? Безусловно, необходимо основываться на церковном опыте толкования священного текста, однако, на мой взгляд, также необходим и филологический анализ, который помогал бы нам лучше понять контекст эпохи, в которой жил Спаситель, какие-то подробности, лучше раскрывающие нам Священное Писание, которое мы любим и почитаем. То есть необходимо не только уметь видеть глубочайшие духовные смыслы, полезные и спасительные для нас, но еще видеть исторический, филологический смысл, который не менее важен, и подчас духовный смысл конкретизируется, когда человек апеллирует к научным источникам, научному опыту анализа и истолкования священного текста. Если мы читаем Писание только лишь для нравственного назидания — это хорошо, но мало. Если мы читаем его для того, чтобы увидеть

мудрость — этого тоже мало. Если мы хотим соприкоснуться с духовным опытом пророков, евангелистов, то этого тоже мало. Писание же написано для этого, чтобы произошла наша внутренняя встреча со Христом, с Живым Богом.

**Алексей
Волчков**

Священное Писание есть дома у каждого христианина, однако особой необходимости в его чтении я у многих не наблюдаю. У таких людей нет культуры его чтения: христианин просыпается и его день должен состоять из того, что он обязательно взглянет в текст Писания, будет питаться им, «пережевывать» его. Далее, Писание — это вещь острая, это огненный меч, который пронзает нас до самой глубины нашего сердца, который обличает, вразумляет, не считаясь с нашими стереотипами, стандартами, с тем, что нам хотелось бы слы-

шать. Нужно понимать огненность, пронзительность священного текста: это Слово Божие, это не слово, которое было выдуманно учеными: философами, логиками или догматиками; это тот самый огонь, о котором говорила мать Мария Скобцова. Еще один момент: прихожанин, взяв в руки Библию, толкования отцов, может прийти к нам и сказать: «А вот почему у нас такое в Церкви происходит, ведь в Писании написаны немного другие слова?» На некоторые вопросы, которые мне задают умные студенты, я не могу ответить ничего, кроме: «так получилось, так сложилось исторически». Писание — не очень популярная книга среди христиан, потому что есть системное невнимание к этому тексту нас самих, служителей церковных, а поскольку Писание часто обличает нас, то это обличение, конечно же, неприятно, вызывает в нас сомнения, вопросы, терзания. Однако без чтения Священного Писания мы не можем добиться особых успехов в нашем служении, в нашей миссии, потому что Слово Божие — это трамплин, это сила, которая должна нас воодушевлять. Других трамплинов, другой силы у нас, наверное, и нет.

**Иерей
Димитрий
Сизоненко**

Мне кажется, что большинство людей, даже из тех, кто интересуется Священным Писанием, очень часто интересуются им только поверхностно, и мало кто ищет живого контакта со Словом Божиим. Немногие готовы к тому, чтобы Слово по-настоящему изменило твою жизнь, изменило твое сердце, расширило твой ум, просветило тебя. Мало кто готов измениться, и вот в этом проблема. Поэтому Священное Писание для многих остается закрытой книгой. Мы очень часто спешим свести христианство к набору каких-то возвышенных вещей: к щедрости, альтруизму, честности. И Бог становится не

Богом живым, а Богом — символом каких-то абстрактных добродетелей, чего-то такого, о чем нам хочется говорить, но что на самом деле не имеет никакого отношения ни лично к нам, ни к нашей жизни. Для того чтобы произошло это живое соприкосновение со Словом Божиим, чтобы каким-то образом человек начал жить внутренней жизнью, необходимо научиться молчать, потому что Бог до тех пор не сможет заговорить, перекричать нас, пока мы не научимся слушать. Мне кажется, что это очень важно. Одна из помех, которые мешают человеку слышать Слово Божие, — это чужие толкования. Просто нам лень трудиться своим умом, сердцем, напрягать свой слух, чтобы услышать Бога, и мы прячемся за чужие толкования, как школьник, который вместо того, чтобы написать сочинение по литературе, просто берет и переписывает фразы из литературоведческой статьи — вместо того чтобы прислушаться к самому себе, заглянуть в себя. Мне кажется чрезвычайно важным, чтобы чтение Священного Писания стало моментом личной встречи с живым Богом, чтобы ты услышал голос Бога, который будет резонировать в глубине твоего сердца, а не просто повторял какие-то вещи, совершенно внешние и абстрактные.

Чтение Священного Писания связано с покаянием. Люди не хотят меняться в силу разных причин, но когда Слово Божие тебя по-настоящему касается, то наступает момент истины, перемены, исцеления. На протяжении всей жизни должно происходить обновление и перемена. То, как человек сообразуется с образом Христа, как в нас постепенно просветляется образ Христа, замечательно показано в фильме «Остров». Там есть удивительный кадр: настоятель снимает с темной доски слой копоти, и вдруг сквозь эту копоть проглядывает лик Христа. Это происходит с человеком по мере того как он приобретает опыт чтения Священного Писания. Вспоминается фраза

святителя Григория Нисского, сказанная в эпоху, когда возникло очень много еретических течений из-за того, что та или иная фраза Священного Писания понималась неправильно, и вот святитель в качестве последнего аргумента в полемике с гностиками говорит: «Слово Божие — как осколки мозаики, когда я собираю из этих кусочков изображение, у меня появляется икона Христа, когда собираете вы — получается лисья морда». Действительно, существует тонкая, но весьма существенная грань, которая отделяет православное понимание от иного, когда в результате получается совсем не то.

**Сергей
Романов**

Мы можем иметь много справочников, энциклопедий, умных книг, толкований святых отцов и всем этим пользоваться в нашем чтении Слова Божия, но не иметь откровения о том, что мы читаем. В связи с этим я хочу поделиться тем, что со мной произошло много лет назад благодаря чтению одного из Евангельских отрывков. Когда я учился в университете на филологическом факультете, нам дали перевести отрывки из Евангелия. Был восемьдесят седьмой год, Библии не было, и доступ к Слову Божию был ограничен. Текст был притчей Иисуса Христа о двух домостроителях: один построил дом на камне, а другой — на песке. И вот когда я переводил этот отрывок с церковно-славянского языка на русский, я вдруг ощутил какое-то особое волнение в моем сердце и понял, что это какой-то особенный отрывок. И только потом уже я выяснил, что это был Евангельский текст, и вот тогда впервые Бог меня коснулся, я понял, что человек такое написать не мог. А потом уже, спустя много лет, я нашел этот отрывок в Библии и нашел также много мест в Писании, ко-

торые говорят, что Дух Святой нас учит многому. Христос говорит, что придет Дух истины, который нас научит, наставит на всякую правду и подтвердит всякое сказанное Иисусом Христом слово. Дух Святой нам открывает духовные очи, и только потом мы можем пользоваться и толкованиями для расширенного понимания того или иного отрывка.

Есть два момента, о которых мне бы хотелось сказать: первый — это Евангельский эпизод искушения Спасителя дьяволом. Все реплики искушителя — это цитаты из священных текстов; из истории Церкви нам также известно, что многие еретики обосновывали свои воззрения текстами Священного Писания. Получается, что важен контекст, в котором ты цитируешь священный текст. Важно, куда ты хочешь вставить ту или иную цитату и что ты хочешь обосновать с ее помощью. Второй момент — это притча Христа о сеятеле, который сеет, и семена попадают на разную почву. Сам Христос говорит о том, что Слово — это семечко, которое попадет в душу человека, оно должно прорасти и принести плод. Наверное, по этим плодам мы можем увидеть, как верующие используют священный текст. Вот это и есть момент встречи со Христом, причем человек может ходить в Церковь, участвовать в богослужениях, даже знать Писание, даже молиться, но не иметь этой встречи с Богом — и это, на мой взгляд, катастрофа.

**Иерей
Димитрий
Симонов**

В опыте церковной жизни есть слово-молитва, а есть Слово Божие как ответ на нашу молитву. Мне знаем об опыте молитвы святых отцов, учимся у них молитве, очень часто молимся их молитвами, их текстами, но это не исключает нашей личной молитвы, и, научаясь у них, мы на-

чинаем молиться. Мне кажется, что со Словом Божиим происходит то же самое: читая Слово Божие, мы учимся понимать его у отцов, но это ни в коем случае не должно исключать нашей внутренней усиленной работы: учиться слушать, слышать и принимать услышанное.

Мне вспомнилась такая история. В период большевистских гонений христиан разных конфессий сажали в застенки, и так получилось, что в одной камере оказались православный священник и баптист. И вот, у православного священника была спрятана страничка из Евангелия на церковнославянском языке. Этот баптист посоветовал, что он уже столько времени не держал Библии в руках, не видел священного текста. На что православный священник сказал: «Вы знаете, у меня он есть, но только вы ничего не поймете». Священник аккуратно достал страничку, баптист благоговейно взял ее, подержал в руках, поцеловал, вернул и очень благодарил его за то, что после стольких лет он имел возможность прикоснуться к тексту Писания.

**Анна
Басис**

Когда мы приходим к Господу, мы узнаем Его все глубже, и наша любовь к Нему возрастает. И с этой любовью, с этим познанием Слово Божие мы читаем по-разному. То, как мы прочитали в первый раз какое-то место, в дальнейшем может нам открыться, возможно, совершенно иначе. Я помню, как начинала читать Библию: книга Бытия была для меня камнем преткновения из-за дарвинистского мировоззрения, хотя я понимала, что либо нужно действительно принять Бога и то, что Он говорит, либо отрицать это, поскольку в сердце что-то другое. Когда я читала, у меня волосы дыбом становились: ну как это можно принять, если ты научен

совершенно другому. Но все это продолжается, пока ты не снял с себя все эти старые одежды, и не сказал: «Вот я, Господи, как чистый лист бумаги, Ты мне Сам объясни, как это может быть, потому что с моей логикой это несовместимо». И только тогда Господь начинает открывать это так, как человек не может открыть, — совершенно в другом свете. Когда я стала читать Евангелие, то первое прочтение тоже было подобно шелухе лукавицы: берешь луковицу, и постепенно снимаешь с нее шелуху, то есть сначала понимаешь одно, потом снимаешь дальше, и там все становится белее, белее, чище, и можно увидеть совершенно новое.

**Протоиерей
Александр
Сорокин**

Мне кажется, что в рамках обсуждаемой темы очень важна проблема перевода. Евангелие, которым мы располагаем в оригинале, в греческом тексте, уже есть перевод, а точнее, различные переводы Благой вести Христа, высказанной на другом языке, который до нас дошел лишь только в осколках. А переводы эти разные, хотя суть одинакова: достаточно посмотреть на Заповеди блаженства или молитву «Отче наш» в версии Евангелия от Матфея и от Луки. Более интересные в этом плане различия между синоптическими Евангелиями и Евангелием от Иоанна — здесь диву даешься, насколько они разные. Но именно в тех частях, где они сходятся, не на сто процентов, а процентов на шестьдесят-семьдесят, поражаешься и удивляешься, и приходишь к выводу, что это действительно один исток. Но одна и та же Благая весть совершенно по-разному выражается в том и в другом случае, и это говорит о том, что любой перевод, сделанный с желанием донести истину Слова Божия, сделанный ради Церкви, ради общего блага (не с какими-то

злостными умыслами, хотя такие тоже были, и они отвергались Церковью как апокрифы) обязательно будет не на сто процентов точен, но он тоже может послужить помощью, если мы, конечно, наряду с ним, учтем и многие другие версии.

**Ирина
Пронищева**

У меня глубокие впечатления от того, что произошло сегодня. Я давно думала о том, как мы общаемся с Богом, как мы с Ним встречаемся. Это не обязательно происходит только при чтении Священного Писания, но и в нашей личной молитве, в общей молитве, в наших братьях и сестрах, через которых Бог нам дает понять, что Он нас слышит, что Он нас любит. Чтение Священного Писания и его правильное понимание — это еще не все, очень важно применять его в нашей жизни. Насколько мы его применим, насколько мы будем усердны и смелы в этом — настолько серьезно мы относимся к тому, что нам открыл Господь. Если мы услышим, скажем,

«да, это хорошо, это прекрасно», но ничего не будем делать, то какой в этом смысл? Пожалуй, Господь нам в следующий раз и не откроет ничего. А как нам узнать, применили ли мы все это? По тому, как мы изменились, как изменилась наша жизнь. Однако сами мы уловить это вряд ли можем, и для этого Господь дал нам наших братьев и сестер. Прислушиваясь к тому, что они говорят, мы как бы отражаемся в них, мы слышим в их словах обращение к нам Бога о том, как преобразовалась или еще нет наша жизнь, и это подарок. Этот путь длится не один год. Первое время мы привыкаем друг к другу, очень жестко относимся к недостаткам, осуждаем, ссоримся, потом, постепенно, как бы в присутствии Бога, мы стараемся сдерживать себя, понять, в чем причина этого. И Господь, видя это наше стремление, нашу открытость, обновляет людей прямо на глазах. Это другие люди, и они по-другому относятся друг к другу. Возникает ощущение единства, радости, любви, которые нас связывают, поддержка, чувство того, что мы однозначно не одни и Господь присутствует посреди нас. Это великий дар.

**Анна
Лепёхина**

Мы сегодня все с вами пережили какой-то удивительный опыт совместного чтения маленького кусочка Евангелия от Иоанна, мы делились чем-то сокровенным. И все это тесно связано со словами молитвы Господа, где Он молится о нашем единстве и о нашем освящении истиной. Действительно важно, чтобы Священное Писание помогало нам находить смысл каждого момента нашей жизни, чтобы из нашей жизни уходила пустота. Пустота как лишение жизни смысла, ведь каждый, наверное, может заметить такие моменты пустоты в своей жизни, и пусть Писание, слова Христа, заполняет эту пустоту, преодолевает ее. Пусть и тот опыт, который мы сегодня получили, читая Его слово, тоже как-то отразится на нашей жизни, наполнит смыслом нашу жизнь и изгонит из нее какую-то часть пустоты, бессмыслицы, чтобы та молитва Христа, которую мы сегодня читали, ожила в нашей жизни.

Фото: Станислав Марченко

**И Н С Т И Т У Т
Б О Г О С Л О В И Я
И Ф И Л О С О Ф И И**

Открыт в 1992 году. Осуществляет свою деятельность по благословию митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира. Имеет государственную аккредитацию по направлению 031900 – «Теология».

Институт объявляет очередной набор на I курс дневного, вечернего и заочного обучения.

Вступительные экзамены:
– История России (до 1920 г.)
– Литература (устно)
– Иностранный язык

Вступительные экзамены начинаются 26 августа. Лица, имеющие высшее образование, а также выпускники Духовной семинарии и регентского отделения, выпускники школ, получившие золотые и серебряные медали, зачисляются по итогам собеседования.

Адрес института: 191036, Санкт-Петербург, Дегтярная ул., д. 18а (Подворье Тихвинского Успенского Богородичного мужского монастыря)
Тел.: (812) 577-40-69, 351-15-31, 8-906-240-60-36
E-mail: ibif@inbox.ru; [http:// www.ibif.org.ru](http://www.ibif.org.ru)

ЧТЕНИЕ БИБЛИИ

ПРАВОСЛАВНЫЙ ВЗГЛЯД*

Петрос Вассилиадис

Профессор Нового Завета богословского факультета
Фессалоникийского университета (Греция)

На основании каких источников можно изложить православный взгляд на чтение Библии? У римо-католиков есть II Ватиканский Собор, у лютеран — Аугсбургское исповедание; у африканцев, азиатов или латиноамериканцев — свое развивающееся богословие. Ничего этого нет в Православии, которое стремится лишь аутентично свидетельствовать о предании апостольской веры. Таким образом, единственным авторитетным источником, которым обладают православные, является Библия и Предание. Совместное заявление, сделанное на православно-англиканской конференции в Москве в 1976 году, прекрасно излагает сущность православного взгляда: «Священное Писание представляет собой единое целое. Оно одновременно является и богодухновенным, и выраженным по-человечески. Оно есть надежное свидетельство об откровении Богом Самого Себя в творении, в воплощении Слова и во всей истории спасения, и в этом качестве оно выражает Слово Божие на человеческом языке. Мы знаем, получаем и толкуем Писание через Церковь и в Церкви».

Однако сущность Православия, если рассматривать его по сравнению с западным христианством (римо-католиками, англиканами и протестантами), выходит за рамки подобных богословских утверждений: я бы осмелился сказать, что Православие — это образ жизни; отсюда вытекает важность литургической традиции. Вот почему в своем богословии православные придают такое большое значение Божественной литургии. Церковь — это прежде всего богослужбное сообщество. Сначала — богослужение, затем — догма и научение. *Lex orandi*

(лат. закон молитвы. — Прим. пер.) имеет ярко выраженный приоритет в жизни христианской Церкви. *Lex credendi* (лат. закон веры. — Прим. пер.) зависит от молитвенного опыта и взгляда Церкви. Тем самым библейское исповедание и свидетельство являются лишь естественным следствием опыта евхаристического сообщества местных общин.

Постмодернизм провозгласил приоритет текста над опытом — синдром, все еще доминирующий в современном христианском академическом богословии, приоритет богословия (в традиционном смысле слова) над экклезиологией и приоритет веры над опытом причастности Царству Божию. Более нельзя поддерживать почти догматический взгляд, навязанный всей академической богословской мыслью после эпохи Просвещения и Реформации, согласно которому основание нашей христианской веры нельзя обрести ниоткуда иначе, кроме как из определенного *depositum fidei* (лат. залог веры. — Прим. пер.), прежде всего из Библии (к которой обычно добавлялось и Предание). Все более пристальное внимание и более серьезное значение уделяется опыту евхаристического общения, ответственному за этот *depositum fidei* и созидающему его.

Современные библеисты и литургисты пришли практически к единодушному выводу: Евхаристия в раннехристианской общине «переживалась» не как мистериальный культ, но как предвкушение грядущего Царства Божия, предваряющее проявление — в рамках трагических реалий истории — аутентичной жизни общности, единства, справедливости и равенства, без каких бы то ни было различий (сотериологиче-

* Вниманию читателей предлагается сокращенный вариант статьи «*Reading the Bible from the Orthodox Church Perspective*», опубликованной в журнале «*Ecumenical Review*» в 1999 году.

ских или иных) между иудеями и язычниками, рабами и свободными, мужчинами и женщинами (Гал. 3, 28). Именно это — истинное значение термина «вечная жизнь» у апостола Иоанна Богослова, а также определение Евхаристии как «лекарства бессмертия» у святого Игнатия Богоносца. Вопрос о чтении Библии нельзя отделить от экклезиологического евхаристического сообщества. Не отрицая легитимности автономного статуса Библии в мире литературы или важности ее личного чтения, православные всегда считали, что Библия обретает свою полноту только в этом экклезиологическом евхаристическом сообществе.

Таким образом, не будет преувеличением сказать, что литургический — или, более точно, евхаристический — масштаб является, возможно, единственным надежным критерием для выявления подхода православных к Библии, к тому, как они читают, познают и толкуют ее, к тому, как они вдохновляются и питаются ею. Западные христиане, присутствовавшие на православном богослужении, видели (возможно, с удивлением или шоком), что Библия за православной Божественной литургией не читается, а поется, как будто библейские чтения были предназначены не столько для того, чтобы верующие поняли и приняли Слово Божие, но чтобы прославить Событие и Личность. Событие — это эсхатологическое Царство, а Личность — это центр этого Царства, Сам Христос. Это одна из причин того, почему православные, хотя традиционно и ратуют за перевод Библии (и не только ее) на понятный людям язык, но, к сожалению, не стремятся вводить чтение общедоступных переводов Библии в Божественную литургию. В православной Литургии присутствует не только Иисус Христос в Его первом пришествии, здесь также проповедуется о Слове прославленного Господа в Его втором пришествии.

ЭККЛЕЗИОЛОГИЯ, БОГОСЛУЖЕНИЕ И ЛИЧНОСТЬ

«Православный взгляд» на чтение Библии представляется прежде всего экклезиологическим и литургическим. «Евхаристический и тринитарный» подход ко всем аспектам богословия и миссии является на сегодняшний день подходом большинства православных. Евхаристическое богословие уделяет особое внимание местным общинам и контекстуальному характеру христианской жизни. Тринитарное богословие указывает на тот факт, что Бог Сам в Себе есть жизнь общения и что участие Бога в истории имеет целью привести человечество и весь сотворенный мир к этому сообществу с жизнью Самого Бога.

Суть этих размышлений о правильном способе чтения Библии очень важна. Как правило, Библия читается не для получения богословских или доктринальных положений, не для установления моральных, социальных или этических норм; она читается, чтобы опытно познать жизнь общения,

существующую в Боге. С исторической точки зрения, монахи и аскеты православной традиции относились к Библии именно как к средству личного духовного наставления, как к помощнику для достижения целостного личностного роста, обожения (теозиса), другими словами, для причастности общению, существующему в Боге. Это означает, что отношение Православной Церкви к чтению Писания очень личностное. Верующие воспринимают Библию как личное послание Бога, адресованное каждому человеку.

Хотя слова Писания обращены лично к нам, людям, они в то же самое время адресованы нам как членам сообщества; книгу и экклезиологическое сообщество, Библию и Церковь нельзя отделить друг от друга. На Западе авторитет Библии подчеркивался или вновь открывался (в протестантской и римо-католической традиции соответственно) в противовес к крайностям иерархического руководства, к авторитету институциональной Церкви. На Востоке эта задача (с возникавшими при этом проблемами) была возложена на людей, обладающих благодатными и духовными дарами. На Западе, где акцент делался больше на историческом измерении Церкви, институциональное решение было неизбежным; на Востоке, где православное богословие более развивало эсхатологическое понимание Церкви, истинным хранителем веры является народ, члены евхаристических общин. Динамическая встреча Востока и Запада не только обогатит их подход к Библии, но также усилит и расширит различные понимания кафоличности.

Взаимозависимость Церкви и Библии очевидна, по крайней мере, в двух отношениях. Во-первых, мы принимаем Писание через Церковь и в Церкви. Церковь говорит нам о том, что является Писанием. В первые три века христианской истории был необходим длительный процесс проверки для отделения аутентичного «канонического» Писания, дающего авторитетное свидетельство о личности и послании Христа, от «апокрифических» (возможно полезных для наставления, но не являющихся нормативным источником учения), и от «неканонических» текстов. Именно Церковь решала, какие книги станут каноническими книгами Нового Завета. Та или иная книга считалась частью Священного Писания, если Церковь признавала ее канонической, при этом не обращалось внимания на теорию о датировке книги и ее авторстве.

Во-вторых, мы истолковываем Библию через Церковь и в Церкви. Если Церковь говорит нам, что есть Писание, то она же говорит и о том, как необходимо понимать Писание. Мы читаем Библию лично, однако не как изолированные индивидуумы. Мы читаем ее как члены семьи — семьи единой, святой, соборной и апостольской Церкви. Мы читаем ее в сообществе с другими членами Тела Христова по всему миру и со всеми их поколениями во все эпохи. Бог действительно обращается прямо к сердцу каждого из нас во

время чтения Писания, но это всегда происходит в определенных рамках и в определенной перспективе. Рамки — это Царство Божие, предвещающим образом «осуществляемое» в евхаристической Божественной литургии, а перспектива — это Церковь.

Поскольку Писание — это Слово Божие, выраженное человеческим языком, при чтении Библии существует пространство для исследования текста. Православная Церковь никогда официально не отвергала критического исследования Библии. Мы используем библейские комментарии и находки современных ученых. В попытке познать глубочайший смысл Слова Божия мы пользуемся целым рядом методов. В стремлении сделать его релевантным сегодняшнему времени мы даже можем легко принять контекстуальный подход к Библии, веря, что «каждый текст имеет свой контекст», который есть не просто нечто внешнее по отношению к тексту и изменяющее его, но составляющее его неотъемлемую часть. Следовательно, некоторые библейские высказывания, четко указывающие на влияние культурного и социального окружения эпохи, в которую они были написаны (например касающиеся женщин и рабства), оцениваются и измеряются по отношению к высшей реальности Евангелия, явлению Царства «на земле, как на небе» (Мф. 6, 10). Интересно, что за свою длинную историю Православная Церковь никогда не провозглашала ни одного догмата или вероучительного положения, не имеющих своих ясных корней в Библии.

Однако мы предлагаем наши мнения (личные или специалистов) на рассмотрение Церкви не в форме юридического или схоластического учительства, но всегда в общинном измерении и с осознанием эсхатологического характера Церкви как сияния и предвкушения грядущего Царства. Другими словами, в Православной Церкви объективность и индивидуальный интерес всегда служат общине и высшей реальности Царства Божия. Принципиально важен тот факт, что православные подходят к Библии как к богодухновенному Слову всегда в духе послушания, с ощущением чуда и в позиции слышания.

ХРИСТОЛОГИЧНОСТЬ

К экклезиологической перспективе чтения Библии в Православной Церкви также добавляется христологичный взгляд.

Писание представляет собой единое целое. Эти целостности единствозакключаются в личности Христа. Он есть единая красная нить, проходящая через всю Библию от первого ее предложения до последнего. Христос встречает нас на каждой странице. «Все Им стоит» (Кол. 1, 17). Не отрицая «аналитического» подхода, разбивающего каждую книгу на ее первоисточники, Православие уделяет большее внимание именно тому, каким образом эти первоисточники объединились вместе. Мы видим единство Писания

и его разнообразие, всеобъемлющее завершение и рассеянные истоки.

Читая Библию, Православие по большей части предпочитает «синтетический» стиль герменевтики, рассматривающий Библию как единое целое, всеобъемлюще интегрированное со Христом. Однако такой христомонизм никогда не переходил в христомонизм, который привел христианскую миссию в начале XX века к своего рода «христомоничному универсализму», вызвавшему множество проблем, разочарований и тупиков в осуществлении подлинного и эффективного христианского свидетельства среди людей, принадлежащих к другим религиям. В Православной Церкви, за некоторыми исключениями, христологию всегда интерпретировали через пневматологию. Именно это «тринитарное» понимание Божественной реальности и миссионерской позиции Церкви предупредило возникновению в нем нетолерантной позиции, давая ей возможность объять всю «вселенную» как единое сообщество жизни.

Эта христологическая и потому «богословенная» перспектива чтения, понимания и толкования Библии дала в православном мире толчок к легитимному изобразительному представлению Библии и одновременно к свидетельству о Евангелии через иконы. Такая форма евангельского свидетельства, особенно в иконах византийского искусства и техники, прежде всего ценна и эффективна для распространения глубинного значения христианского благовестия, благодаря акценту на преображающем и эсхатологическом измерении. Ведь в Православной Церкви иконы — это не только «книга для неграмотных», но и «небесное окно». На них изображается не дематериализация, но преображение мира, человека и природы. На иконах материальные и космические элементы, окружающие священные фигуры (божественные и святые), также представляются преображенными и исполненными славы. Византийская икона показывает, как материя — фактически все творение, человечество и природа — может преобразиться: не только в первозданную гармонию и красоту, которой они обладали до грехопадения, но в большую славу, которую они обретут в грядущем Царстве. Иконы, хотя они и схематично изображают мир, обращают свой взгляд не к миру, в котором мы живем, но предзнаменуют грядущее Царство Божие. И в Евхаристии, и на иконах провозглашается взаимосвязь прошлого, настоящего и будущего, здесь присутствует предчувствие нашим миром мира грядущего.

НОВЫЕ КНИГИ ПО ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ

Протоиерей Николай Попов. Император Лев VI Мудрый и его царствование в историческом отношении. М.: Издательство Крутицкого Патриаршего подворья, 2008

Труд отца Николая Попова впервые увидел свет в 1892 году. Эта работа была представлена автором в качестве кандидатской диссертации по окончании Московской Духовной академии. По отзыву рецензента — известного церковного историка профессора А.П. Лебедева исследование Н.Г. Попова «по обстоятельности, основательности и обработанности принадле-

ležало к разряду таких, за которые можно присуждать не только степень кандидата, но и магистра богословия». Высокую оценку работа Н.Г. Попова получила и у крупного отечественного историка-византиниста профессора Ф.И. Успенского.

В своем труде Н.Г. Попов подробно остановился не только на внешних обстоятельствах царствования императора Льва Мудрого, но и на церковной жизни того времени. Он обратил внимание на правление всех византийских патриархов этого исторического периода, в том числе подробно остановился на последнем этапе деятельности знаменитого патриарха Фотия. Автор рассмотрел законодательство того времени, дал оценку состояния духовного образования, церковного управления, положения монашества, духовенства и общества в целом. Ценностью работы было привлечение многих источников, в том числе и некоторых недавно открытых западными исследователями памятников исторической мысли. В приложении к книге были помещены «Слова» императора Льва VI и послание Арефы, митрополита Кессерии Каппадокийской в авторском переводе.

14 марта 1893 года за свое исследование об императоре Льве Мудром Н.Г. Попов был удостоен звания магистра богословия. Всю свою последующую жизнь вплоть до революции 1917 года протоиерей Николай Попов посвятил преподавательской деятельности. Являясь профессором богословия в училище инженеров путей сообщения (с 1913 года — одноименного института), отец Николай преподавал также в ряде других учебных заведений, в том числе и в Московском университете. В те же годы он подготовил и издал ряд

статей по истории Византии и Константинопольского Патриархата.

Летом 1917 года протоиерей Попов был избран для участия в работе Предсоборного Совета, а затем по должности стал членом Поместного Собора 1917–18 годов, где выступал с критикой проекта о восстановлении патриаршества. В 1922 году, когда безбожная власть организовала т.н. обновленческий раскол, отец Николай вместе с несколькими профессорами примкнул к обновленцам. Несколько лет он посвятил преподаванию в обновленческой Богословской академии, писал статьи для обновленческих журналов и, к сожалению, скончался, не воссоединившись с Матерью Церковью. Между тем работы Н.Г. Попова по истории Византии и Константинопольского Патриархата по-прежнему представляют немалую научную ценность, сохранившуюся и до наших дней. Ныне главное исследование профессора Николая Попова вновь стало доступно отечественному читателю.

Фирсов С.А. Церковь в Империи. Очерки из церковной истории эпохи Императора Николая II. СПб: Издательство «Сатисъ», 2007

Книга Сергея Львовича Фирсова «Церковь в Империи. Очерки из церковной истории эпохи Императора Николая II» представляет собой сборник статей, посвященных проблемам церковной жизни и церковно-государственных отношений конца XIX–XX вв. Некоторые из представленных материалов публикуются впервые; большинство работ увидело свет в малотиражных изданиях и на сегодняшний день малодоступно широкому читателю.

В статьях, составляющих книгу, затрагиваются темы, не получившие освящения в монографиях автора: «Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России» (СПб, 1996) и «Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х–1918 гг.)» (М., 2002).

Книга предназначена для специалистов-историков и религиоведов, а также для всех интересующихся историей России и Православной Российской Церкви в последний период существования Империи.

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ОТДЕЛА ПО СВЯЗЯМ
С РЕЛИГИОЗНЫМИ ОБЪЕДИНЕНИЯМИ
АДМИНИСТРАЦИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Ж У Р Н А Л

ВОДА
Ж И В А Я

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЦЕРКОВНЫЙ ВЕСТНИК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛАДАН

РЕСТАВР™

И СОЗДАЛ БОГ ЖЕНУ

(Книга Бытия)

ХРИСТИАНСКИЙ ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ: КАКИМ ВЫ ЕГО ВИДИТЕ?

КОНКУРС

произведений
в следующих
жанрах:

- рассказ
- фото
- рисунок

Приглашаем для участия всех желающих.
Работы принимаются до 1 октября 2008 года

Итоги конкурса будут подведены на выставке ПРАВОСЛАВНАЯ РУСЬ 15–19 октября 2008

МАТЕРИАЛЫ НА КОНКУРС

МОЖНО ПРИСЛАТЬ

- по почте: Санкт-Петербург, 196105, а/я 93
- по электронной почте: Ladan_SPb@mail.ru
(с пометкой «Конкурс»)

МОЖНО ПЕРЕДАТЬ

сотрудникам магазина издательства:
Санкт-Петербург, улица Решетникова, дом 13
(м. «Электросила», по будним дням с 10 до 19 часов)

ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ

- ТЕКСТЫ –
объемом не более 2000 символов, в формате MS Word
- ФОТО И РИСУНКИ
должны быть высокого качества –
на бумажном носителе форматом не более А3;
- В ЦИФРОВОМ ВИДЕ:
формат JPEG, 1000–2000 пикселей
(по короткой стороне изображения).

Работы, присланные на конкурс, будут опубликованы на сайтах
РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ВОДА ЖИВАЯ»: www.AquaViva.ru
и ИЗДАТЕЛЬСТВА «ЛАДАН»: www.LadanSPb.ru,
а также войдут в состав экспозиции при подведении итогов.
Победители конкурса будут отмечены призами и дипломами.
Работы победителей будут опубликованы в ЖУРНАЛЕ «ВОДА ЖИВАЯ».

ПРОСИМ ОБЯЗАТЕЛЬНО УКАЗЫВАТЬ В ПИСЬМЕ
• НАЗВАНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ • ИМЯ И ФАМИЛИЮ АВТОРА • КОНТАКТНЫЙ ТЕЛЕФОН

BO
ΔA